

18+

ИРИНА ИЮЛЬСКАЯ
ТАТЬЯНА СЕЛЕЗНЕВА

Гнедой,
или

Шаги сквозь

время

Историческая сага о любви,
верности и преодолении
жизненных испытаний

Регина Селезнева

Гнедой, или Шаги сквозь время

«Издательские решения»

Селезнева Р.

Гнедой, или Шаги сквозь время / Р. Селезнева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685403-1

Сага о любви, верности и преодолении жизненных испытаний в сложные драматические вехи истории: с войнами, революцией, утратой Родины и близких людей. Однако герои пройдут сквозь эти времена с достоинством и честью. Не все, но многие.

ISBN 978-5-00-685403-1

© Селезнева Р.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая «Начало»	8
Глава 1 Приезд в Кобылкин	8
Глава 2 Мирские заботы	10
Глава 3 Приезд графини с дочерью в имение	12
Глава 4 Бог подаст...	15
Глава 5 Тайна	17
Глава 6 Беспокойная ночь и отъезд	20
Глава 7 Приезд в столицу	22
Глава 8 Решение	24
Глава 9 Неожиданное задание	26
Глава 10 Грустная дорога	27
Глава 11 Тягостные думы	29
Глава 12 Встреча пристава с хозяевами усадьбы	30
Глава 13 Поездка в Псков	32
Глава 14 Аукцион	34
Глава 15 Разговор перед отъездом	35
Глава 16 Разговор матери с дочерью	37
Глава 17 Белая Лилия	38
Глава 18 Окрыленный счастьем	40
Глава 19 В «Медведе», или Неожиданные откровения начальника	42
Глава 20 Житейские хлопоты	45
Глава 21 Хищник и жертва	47
Глава 22 Венчание	48
Глава 23 К теще на блины, или Лакомка	51
Глава 24 Любовь и Жертва	55
Глава 25 Отъезд в Париж	57
Глава 26 Обещаю	59
ЧАСТЬ ВТОРАЯ «НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ»	61
Глава 1 Снова в Париже	61
Глава 2 Создание «Тройственного союза» или «Trinity»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гнедой, или Шаги сквозь время

Регина Селезнева

Татьяна Евгеньевна Селезнева

© Регина Селезнева, 2025

© Татьяна Евгеньевна Селезнева, 2025

ISBN 978-5-0068-5403-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Впервые я увидела Гнедого, когда мне было лет одиннадцать, теперь, уже в далеких 60-х. Как сейчас помню, идём мы с матерью в ранних осенних сумерках по улице Правды... да, по той самой, где находилось небезызвестное издательство главной газеты ЦК КПСС, проданной в начале 90-х какому – то мифическому лицу греческого происхождения. Так и закончилась жизнь легендарного печатного органа от статьи в котором или всего лишь упоминания о нём, зависела судьба любого человека, даже на самом вершине. А вот «комсомольцы» продержались долго, все перестроечные годы и были вполне рентабельными изданиями, то есть, приносящими прибыль своему руководству. По-моему, «МК» и по сей день жив и здоров. Но дело не в том. Почему я упоминаю об этом? Потому, что там работал Гнедой. Вернее, начал свою журналистскую деятельность.

Помню, как подъехала к нашим ногам светлая «Волга» с серебряным оленем на капоте, распахнулась дверца и я увидела в машине улыбающееся лицо красивого молодого человека, похожего на американского артиста.

Сверкнув белоснежной улыбкой на загорелом лице, он сказал:

– Извините, Тося, что задержал вам с выплатой гонорара. Уехал в срочную командировку – и протянул матери деньги. Она взглянула на купюру:

– Сейчас посмотрю, есть ли у меня сдача. – Мать достала из сумки кошелек и начала копаться, отсчитывая находящуюся в нём наличность.

– Не беспокойтесь, не надо сдачи. Садитесь в машину, я вас подвезу, если хотите.

Мать слегка покраснела и поправила тончайший газовый шарфик алого цвета :

– Спасибо, мы здесь совсем неподалёку, на Нижней Масловке живём.

– Ну, тогда всего хорошего. Это ваша дочка?

– Да.

– Как зовут?

– Эвелина, Эля.

– И имя красивое, и сама красавица... Ну, до встречи!

– Спасибо. Обращайтесь если что... – успела ответить мать, прежде чем дверца «Волги» захлопнулась и блеснув серебряным оленем на капоте, автомобиль уехал.

– Как хорошо, что он нас заметил и деньги отдал. А то бы пришлось к соседке идти занимать до полочки. Давай зайдём в «Гастроном» купим колбаски, молока на ужин.

Мы поднялись по ступенькам и вошли в Правдинский Магазин. Много лет, возвращаясь с мамой из детского сада, расположенного неподалёку, мы проходили мимо его витрины,

в которой стоял шоколадный слон, размером с большой чайник. Не знаю из чего он был сделан, но я по малолетству, всегда думала, что из шоколада.

Мама знала, что я сластёна и в тот вечер купила мне немного развесных конфет.

– Это тебе от Гнедого на сдачу, – сказала она, – после ужина дам.

– Какая смешная фамилия Гнедой... что-то я слышала в какой-то песне про пару гнедых. На «Волге,» такой красивый, модный... Он твой начальник?

– Нет. У него отец начальник. А меня он иногда просит отпечатать ему кое-что сверхурочно. Как деньги намгодились. Даже хорошо, что немного задержал, а то давно бы их не было.

– Потратила бы на «Красную Москву,» – со знанием дела, подтвердила я матери. Так впервые мы встретились с Гнедым...

Часть первая «Начало»

Глава 1 Приезд в Кобылкин

Лето 1897, Псковская губерния Российской Империи

– Вот, ведь признайся, шельмец, груши на кладбище насобирал?! Не растут в нашем городе такие груши, – сочные и налитые с розовыми боками, кроме, как на Старообрядческом кладбище. Меня не обманешь, я из местных. Сам в твои годы приторговывал на проезжей дороге кладбищенскими яблоками и грушами. Ну-ка, дай сюда мне пяток.

– По копейке продаю, господин хороший! – рыжий, веснушчатый мальчишка лет шести-семи, босой, с грязными от дорожной пыли ногами, достал из-за пазухи несколько груш. Потерев их румяные бока о рукав своей выцветшей ситцевой рубахи, болтавшейся на нем, как на колу, отрок протянул Петру Павловичу Кулябкину, приставу полиции, к своим двадцати семи годам получившего коллежского секретаря 10 чина после окончания четырехклассного городского училища, в которое был зачислен за счет казны. Произошло это благодеяние по воле случая, о чем будет написано несколько позднее.

– На, держи и хватит с тебя, – Кулябкин достал из кармана светлого сюртука три копейки и протянул их мальчишке. Тот, почесав рыжий, запотелый от августовского солнца затылок, взял деньги, потому, как вряд ли этот господин в извозничьей пролетке даст больше. Он порядки знает, хоть, судя по виду, – приезжий. Груши и в самом деле со Старообрядческого. Местные их не едят, потому, как плоды покойниками вскормлены. А ребятня ест не задумываясь, платить за них не надо, а слаще этих и впрямь во всем городе нет.

Кулябкин поднес к лицу большую спелую грушу и вдохнул исходивший от нее аромат, напомнивший Петру далекое детство. Затем обтер фрукт чистым платком и предложил, сидящему рядом с ним Михаилу Платоновичу Сигареву, великовозрастному студенту-медику и дальнему родственнику по линии матери Кулябкина. Тот, слегка поморщившись, отказался.

– Брезгуешь? Зря... Сколько я их в мальчишестве переел и ничего. Матушка моя запрещала с кладбища плоды обрывать. Сама всю жизнь боялась заразы, всегда носила в карманах обмылки и каждый раз мыла руки за чтобы ни бралась, а умерла от дизентерии.

Сигарев, немного помолчав, ответил:

– Дизентерия – болезнь заразная и часто происходит от грязных рук, а также мух и открытых нечистот, особенно в жару. Странно, что тебя покойная Мария Петровна не заразила, как мужа своего, твоего отца Павла Григорьевича. Я, как медик, карболкой пользуюсь. Покойниками не брезгую и есть фрукты с кладбища можно. Гумус, он и есть гумус.

– Гумус? – удивленно поднял брови Кулябкин. – И что это такое?

– Почвенный перегной, которым все растения на земле питаются. Все мы рано или поздно в него превратимся. Сама наша Земля из него состоит.

– А, груши и впрямь хороши, – вытирая губы и подбородок от обильного сока, – произнес Петр Павлович. – Да и старообрядцы – люди добропорядочные и почтенные, от таких вреда не будет. Жаль, что почти перевелись они. Грехи нас попутали и поработили. Все от них и болезни тоже. Хотя мои матушка и папенька были людьми достойными и истинно верующими. Царствие Небесное и вечный покой их душам.

В родном городке Кобылкин Петр Павлович не бывал со своей ранней юности, с того самого времени, как его опекунша, одинокая в преклонных годах Марфа Захаровна Четчина отправила двенадцатилетнего Петю Кулябкина к своему давнему знакомому и соседу по деревне Теляшову Игнатию Тимофеевичу в ученики к приказчику по торговым делам. Так

судьба завела Петю аж в самую столицу, город Санкт-Петербург. Два года отработывал он у Теляшова за кусок хлеба и ночлег в подсобке лавки, где с наступлением рассвета и до позднего вечера крутился, как волчок и исполнял, что прикажут. Часто посылали его по делам в отдаленные городские окраины Петербурга, но молодые ноги бежали проворно, чистый взгляд мальчишечьих глаз верно подмечал и запоминал адреса, по которым приходилось бывать и очень скоро Петя освоился в столице, подобно рыбе в воде.

Случай сыграл с парнем важную, решающую роль в самом начале его жизни. В один из дней четырнадцатилетний Петя Кулябкин спас от смерти, да не кого-нибудь, а градоначальника крупного, близкорасположенного к столице губернского города. Зоркий взгляд подростка выхватил из толпы подозрительного типа, похожего на чахоточного студента-бомбиста. Как потом выяснилось, тот и в самом деле дожидался у моста проезда городского начальства. Стоило только появиться карете с гербом, террорист выхватил из-за пазухи газетный сверток и метнул под колеса экипажа с находившимся в нем высоким чином. Круглый черный шар с дымящимся шнуром, угрожающе шипя, закрутился по мостовой совсем близко от остановившегося кортежа с сопровождавшим его конным конвоем из казаков. Дело решали секунды. Петя, каким-то непостижимым образом, с безрассудным отчаянием, свойственным молодым, бросился к бомбе и схватив ее, закинул в реку. Удивительно, но взрыва не последовало. Бомбиста скрутили и увезли в участок. Петра Кулябкина отметили: сам градоначальник столицы распорядился наградить парня, а узнав, что тот круглый сирота, исполнил его просьбу и отправил учиться за казенный счет в городское училище с выплатой ежемесячного поощрения. Так, перед смысленным, не робкого десятка парнем, учившемся в деревенской церковно-приходской школе, открылся путь, ведущий к совсем другим достижениям и целям, чем услужение в лавке Теляшова.

Глава 2 Мирские заботы

Чечеткина Марфа Захаровна по-прежнему проживала в своем старом доме, обособленно стоящем на краю деревни Тришино, на 32 двора. Впрочем, отмежевание Тришино от Кобылкина было весьма условным, деревня примыкала к городку плотно, как пришитый рукав к кофте. Далее начинались земли графа Ордынского с усадьбой, конюшней, оранжереей и большим парком, разбитым в английском стиле. Сам граф Александр Николаевич после отмены крепостного права прожил недолго, оставив после себя единственную дочь Марию Александровну и вдову Софью Николаевну из старинного дворянского рода Медынских. После смерти мужа вдовствующая графиня с тогда еще пятилетней Мари, как ее звали в семье на французский манер, оставив имение на управляющего, уехала из России в Париж, где они прожили почти 15 лет. К тому времени Мари, достигнув девятнадцати лет, расцвела и превратилась настоящую красавицу с изысканными светскими манерами, а ее мать-графиня, напротив, слегка разменяв пятый десяток, начала увядать и терять отблески былой красоты с красками уходящей молодости. Глядя на себя в зеркало, Софья Николаевна все чаще грустила: – Как короток женский век! Мужчины в сорок еще кавалеры, а то и женихи... А, женщины, едва успев расцвести, быстро из невест становятся женами, а затем матерями, отдав красоту с молодостью мужу и детям. Увы, таков удел всех жен!

Софья Николаевна, не без гордости, в душе все же признавалась себе, что в Париже она неизменно пользовалась успехом на балах, часто бывала в театрах в окружении поклонников и последние 15 лет жила насыщенной светской жизнью богатой молодой вдовы из России, откуда исправно от управляющего поместьем приходили деньги, позволявшие ей жить на широкую ногу. Поначалу графиня неоднократно получала предложения руки и сердца от завидных женихов с толстыми кошельками и солидными счетами в банках, но двадцатичетырехлетней вдове не хотелось повторения ее прошлой жизни со старым, пусть и богатым мужем и она отвечала отказами. Парижские великосветские нормы поведения не были строги и молодая красавица-вдова, неограниченная в средствах, не отказывала себе в чувственных удовольствиях. Однако годы шли, толпы богатых и знатных поклонников постепенно стали редеть, солидных женихов сменили молодые и прекрасные мужчины, зачастую альфонсы без гроша в кармане. О вкусах и нравах русской аристократки уже было известно во всех салонах Парижа. Впрочем, таковы были причуды богатых и свободных, не зависимо от стран, в которых они родились. Париж уравнил всех из их числа, тепло принимая в свои, изобилующие роскошью салоны. Так было все 15 лет, пролетевшие для графини совсем незаметно, пока не прогремел «гром» из усадьбы Ордынских, откуда пришла телеграмма: «Графине Софье Николаевне срочно вернуться в Россию для урегулирования возникших материальных затруднений».

Прочитав послание, графиня ненадолго лишилась чувств. Из текста следовало, что ей грозит полное разорение и, если не погасить долги перед кредиторами усадьба пойдет с молотка на предстоящих торгах. Графине Ордынской с дочерью ничего не оставалось делать, как в срочном порядке выехать в Россию. Чтобы погасить долги парижским кредиторам и собрать деньги на дорогу, пришлось продать фамильные бриллианты по грабительски-низкой цене местным скупщикам-ювелирам, с их стервятническим чутьем на чужое горе и безысходность в подобных обстоятельствах.

Марфа Захаровна, сидя в глубоком кресле, встретила своего бывшего подопечного Петю Кулябкина суровым взглядом из-под насупленных седых бровей. Взгляд был испытующим и недобрый. Она так и не простила Петра за его уход от Теляшова и за то, что он пошел служить в полицию.

– Ну, рассказывай, как твои дела? Не жалеешь, что ушел от Игнатия Тимофеевича? А, он не пропал без тебя. Совсем не пропал... Огромными делами заправляет, говорят, что миллион денег у него! Сосед наш приезжал из Петербурга, рассказывал... Ты-то много заработал в своем чине? Поди в собственном доме в столице живешь? – не без ехидства уколола Петра Марфа Захаровна.

Кулябкин слегка покраснел и опустил глаза:

– Жалованья мне одному хватает, а квартира служебная у меня, оплачивает ее ведомство.

Тут старушечьи глаза разглядели сидящего в темном углу Сигарева.

– А это, кто таков будет?

– Позволь представить, тетушка Марфа Захаровна: студент медицинского факультета и мой родственник по матушкиной линии – Сигарев Михаил Платонович.

– Не люблю докторов. Все врут они. Лишь бы денег с больных содрать. Я сама себя лечу лучше любого эскулапа. Доживу до ста лет, вот увидите. А пока идите вон, мне отдохнуть надо.

Кулябкин с Сигаревым вышли от нее в небольшой садик, окружавший дом Чететкиной и сели на скамейку под кустом жимолости. Давно не знавший заботливых хозяйских рук, палисад с разросшимся репейником, имел жалкий, запущенный вид.

Сигарев достал из портсигара папиросу и закурил.

– Сколько лет тетке? – спросил Михаил.

– Я и сам не знаю, а спросить у нее неудобно. Ты же слышал, обещала прожить сто лет.

– Да, с характером твоя Марфа Захаровна. Однако, выглядит она не очень... Кожа сухая, желтая, темные круги под глазами указывают на болезнь печени. Не похоже, что долго проживет. Мне, собственно, пора. – Сигарев потушил папиросу о скамейку. Надо похлопотать о постоялом дворе, где устроиться на ночлег. Да и тетка твоя не рада мне, судя по всему она и к тебе не очень-то расположена. И зачем только вызвала тебя из Петербурга?

Кулябкин, словно опомнился:

– Ты, уж прости, Миша. Пойдем я тебя отведу в трактир, там и обустроят на ночь.

Глава 3 Приезд графини с дочерью в имение

Управляющий имением Ордынских Зиновьев Василий Спиридонович, мужчина лет немного за пятьдесят, крупный, грузный, с багровым от волнения лицом, стоял перед хозяйкой, вернувшейся после долгих лет отсутствия в вверенное ему на управление родовое имение покойного графа. За время отъезда барыни с дочерью, Василий Спиридонович успел обзавестись большой семьей, женившись на довольно обеспеченной купеческой вдове с двумя сыновьями, да еще и своих троих наплодить.

Графиня Софья Николаевна, сидя в бархатном кресле, нервно подносила к лицу нюхательную соль в изящном флаконе на нагрудной цепочке. С некоторых пор, из страха упасть в обмороки от нахлынувших на нее бед, она не расставалась с этим средством. Вместе с тем, всегда тщательно подбирала флаконы, подходящие к ее туалетам. А, их в шкатулке графини было множество на разные вкусы и случаи. Они и приобретались у ювелирных дел мастеров, и больше походили на украшения, чем на изделия, предназначенные для хранения лекарственных средств. Впрочем, если вспомнить средневековье, то самые сильнодействующие яды содержались именно в медальонах, перстнях, брошах...

На столе перед графиней лежали толстые гроссбухи за все годы ее отсутствия. Она с легким недоверием, презрительно смотрела на эту гору бумаг, даже ни разу не раскрыв ни одну из бухгалтерских книг. Что толку, если она в этом ничего не понимает...

– Я же высылал Вам с отчетами и денежными средствами письма, в которых высказывал свою обеспокоенность по поводу расстройства дел в усадьбе. Еще при покойном графе Александре Николаевиче с финансами было неважно-с, с большим трудом сводились концы с концами... Сами понимаете-с, после свершения воли Государя императора Александра-Освободителя мужики в города все больше подались на заработки. Земледелие в наших краях дело рисковое, часто неурожай, особенно в последние годы. Я предупреждал Ваше сиятельство, писал подробные отчеты. У меня все копии писем сохранились. Видит Бог, я не крал и страшиться мне нечего, хоть какую ревизию назначайте, только деньги зря на проверяющих потратите. Говорю Вам, графиня Софья Николаевна, как истый потомок староверов. Проверьте-с сколько хотите-с, все равно вины моей не найдете.

После этих слов вдовствующая графиня сделала знак управляющему, чтобы он ушел. Тот поклонился и вышел из покоев барыни.

Смотреть на Софью Николаевну в ее подавленном состоянии было тяжело. Сидевшая неподалеку от матери Мари, впервые заметила, как та резко постарела за короткий промежуток времени. Дочь, не проронившая ни слова во время аудиенции с управляющим, первой нарушила молчание:

– Пойдемте прогуляемся, маман. Погоды восхитительные за окнами. Скоро осень и пойдут дожди, как мне удалось узнать о местном климате.

Мари, всю сознательную жизнь прожившая в Париже в окружении французских гувернанток и бонн, часто путала и плохо употребляла в устной речи русские слова и выражения. Она и вовсе бы не владела родным языком, пока мать разъезжала по парижским балам и театрам, если б не настоятель Собора Александра Невского, который снабжал молодую графиню книгами, причем не только церковными, но и русских писателей. Так, молоденькая девушка через Тургенева, Некрасова, Островского и, конечно, Пушкина осваивала тонкости родного языка. В церкви она и познакомилась с соотечественниками. Кто-то недавно прибыл из России, а кто-то, как и она пробыл на чужбине длительное время. О соборе Александра Невского в Париже стоит упомянуть отдельно. В нем венчалось, а также отпевалось много достойных личностей русского происхождения, из известных нам знаменитостей 19-го века в этом соборе отпевали лишь писателя Тургенева в 1883 году. Мари в ту пору исполнилось всего 6 лет и она

была не знакома с его творчеством, за исключением рассказа «Муму», который вызвал у нее слезы, но узнав о смерти писателя в Париже, маленькая графиня попросила свою французскую гувернантку отвести ее в собор проститься с автором, так тронувшим ее душу своим произведением. С тех пор Мари начала бывать там по праздникам, постепенно стала ходить и на службы, расширяя свой замкнутый круг общения, в основном, с прихожанами православного собора в Париже. Настоятель и служащие храма тепло принимали девочку, а затем и девушку Марию Александровну: исповедовали, причащали и просто беседовали, интересуясь ее жизнью. В отличие от матери, Мари не любила светскую жизнь, больше посвящая свое время чтению, а мать ее, Софья Николаевна, обожавшая балы и развлечения, не настаивала, чтобы подрастающая дочь начала выходить в свет. Она неосознанно ревновала своих поклонников к красоте и юной прелести Мари, поэтому ничего не имела против посещения дочерью православного собора Александра Невского, в котором сама бывала крайне редко: на Рождество и Пасху. С легкой душой она доверила окормление дочери настоятелю собора, была довольна этим и со спокойной совестью вела привычный для светской львицы образ жизни.

Так, вырастая из девочки в девушку, Мари постепенно теряла с матерью связь, чем не слишком расстраивала родительницу, той было не до нее в своем вечном светском кружении. Нельзя сказать, что дочь и мать не любили друг друга, но каждая вела свою отдельную жизнь, не вникая в тонкости отношений.

Мари проводила время среди книг и нанятых преподавателей, таким образом, она получила хорошее домашнее образование, однако рано привыкла к молчанию и даже к некоторой отстраненности от окружающих ее людей. Учителя хвалили ее за усердие и аккуратность, мать выплачивала им жалование и все оставались довольны.

Так шли годы, Мари выросла, похорошела, но это мало чем отразилось на ее тихой, размеренной жизни. Лишь один случай, когда молодой графине исполнилось 17 лет, всколыхнул и надолго врезался в память девушки.

В тот серый день бесснежной парижской зимы Мари сидела в пустующем соборе с книгой, которую ей дал настоятель. В полумраке храма страницы старинного фолианта освещались лишь дрожащим отсветом одинокой свечи. Было холодно: мерзли ноги и пальцы рук, но Мари это нисколько не мешало читать, содержание текста увлекло ее мысли. Двери собора были не заперты, она и не заметила, как кто-то беззвучной тенью проскользнул во внутрь, неожиданно появившись у нее за спиной:

– Мадемуазель, могу я попросить вас об услуге?

Повернувшись на голос, Мари увидела перед собой молодого человека лет двадцати. Он смотрел на нее внимательным взглядом горящих черных глаз. Одетый в серую тужурку, с непокрытой головой в темных кудрях, он походил на студента или небогатого жителя Парижа, притом, прекрасно изъяснялся по-русски.

Мари, не привыкшая к такому близкому общению с незнакомыми молодыми людьми, приняла строгое выражение лица и спросила так же на русском:

– В чем ваша просьба? Изложите.

– Не могли бы вы передать этот сверток одному лицу, который подойдет к вам следом за мной? Вы еще здесь пробудете четверть часа?

Мари пожала плечами и, хотя ее воспитание порицало подобное, ответила:

– Если речь идет о четверти часа, то я согласна выполнить вашу просьбу.

Молодой человек положил перед ней коробку из картона, в коих продавали мужские головные уборы, в недавно открывшихся больших универсальных магазинах, подобия Бон Марше.

Не успела неискушенная Мари и глазом моргнуть, как молодой человек, едва выдохнув: – Мерси, – исчез за ее спиной.

Как и было обещано, прошло не более пятнадцати минут и перед Мари появился другой молодой человек. Слегка кивнув вместо приветствия и благодарности, он подхватил предназначенную ему коробку и был таков. Подобное поведение несколько неприятно удивило молодую графиню Ордынскую, однако она вскоре забыла об этом, продолжив свое чтение.

Будь между дочерью и матерью более тесные и доверительные отношения, этот случай не остался бы вне ведения Софьи Николаевны. А, вот, на исповеди в ближайшую воскресную службу молодая графиня Мария Александровна призналась настоятелю и рассказала о произошедшем с ней в стенах храма. Настоятель внимательно выслушал, затем сказал:

– Вы поступили очень опрометчиво. Как знать, в этой коробке могла быть бомба или прокламации, листовки антиправительственного содержания... Парижские университеты наполнены бунтующей молодежью. Как Вам представились эти молодые люди?

Мари слегка побледнела от сказанного священником:

– Не знаю, они не представились.

Настоятель вздохнул, однако к причастию допустил.

Глава 4 Бог подаст...

Мать с дочерью, прихватив кружевные зонтики от солнца, вышли пройтись по родовой усадьбе графа Ордынского, унаследованной ими после его смерти. Однако, по приезду из-за границы спустя пятнадцать лет, выяснилось, что наследовать кроме долгов нечего: дом обветшал, бывшие крепостные крестьяне, освободившись, подались в города в поисках заработков, конюшня опустела, оранжерея, когда-то поражавшая гостей своими экзотическими фруктами и диковинными цветами, представляет жалкое зрелище покинутого Эдема. Все застыло в Ордынском, будто время здесь остановилось и потеряло свою власть над миром.

Мари заботливо поддерживала мать под руку:

– Что Вы думаете о учреждении ревизии, маман? Действительно ли она так необходима?

Софья Николаевна со вздохом ответила:

– Все это потребует денег для выплат проверяющим. Понадобятся обращения в инстанции, оплата стряпчих, судебных марок, пошлин и всего, что необходимо в таких случаях. А средств нет. Мы на грани разорения, Мари!

– Мне, однако, управляющий Василий Спиридонович не показался человеком бесчестным. И бумаги у него все подшиты и, как будто, в порядке... Да и сам покойный папа доверял ему.

– Ты заглядывала в гроссбухи, Мари?

– Совсем немного, маман. Из того, в чем я смогла разобраться следует, что записи велись на основании документов аккуратно и своевременно.

– Прости меня Мари. Я не хотела тебе такой доли. Моя беспечность привела и тебя к краху. Графиня Мария Александровна Ордынская – бесприданница! Самое долгое, через полгода отсрочки, которой добился Василий Спиридонович, наше имение пойдет с молотка и мы окажемся без крыши над головой.

– Может продать наши драгоценности?!

– Дорогая, на эти деньги имение не выкупить с его долгами и процентами кредиторов. Большую часть драгоценностей пришлось продать еще в Париже. А, как только в обществе узнают, что графиня Ордынская продает свои последние бриллианты... Мы окончательно погибнем.

– Почему же, маман?

– Потому, что нам надо срочно ехать в Петербург, посещать балы, вращаться в кругах... А, как появиться на бале без достойных туалетов и драгоценностей?!

– Какие могут быть балы в нашем положении...

Кровь прилила к бледному лицу Мари.

– Потому, что дорогая моя дочь, тебе нужно срочно найти себе достойную партию и выйти замуж. А, это возможно только в Петербурге или в Москве. Не в Псковской же губернии, однако!

Проводив Сигарева на постоянный двор, откуда на следующее утро ему надлежало выехать в Псков к родителям, Кулябкин не торопясь пошел к дому Марфы Захаровны. Петр Павлович не спешил переступить его порог. В памяти Кулябкина неожиданно, разом потерявшего отца с матерью, раннее детство и отрочество под опекой Четочкиной было безрадостным и одиноким. Встреченный сегодня на дороге мальчишка, торгующий кладбищенскими грушами, так напомнил Петру себя в его годы. Такой же худой и босой, в заплатанной выцветшей рубашке навыпуск. Он вспомнил, как радовался каждому грошику за проданные яблоки и груши со Старобрядческого, как копил их копеечка к копейке, чтобы что-то купить необходимое для себя и тетки. Часто, отказывая себе в покупке пряника или леденца, подносил ей в подарок к имени-

нам или на Рождество какую-нибудь приятную мелочь, будь то платок или нюхательный табак, которым старуха баловалась, не смотря на неодобрение батюшек. Она принимала от Пети подношения, как должное и говорила нарочито-строго:

– Вот, ведь в грех меня вводишь! Знать и на тебе его частица есть! – Однако не без удовольствия подносила к ноздрям щепотку-другую и уже не так строго глядела на мальчика.

Сама же тетка не жаловала сироту, экономила на всем, хотя от продажи его родительского домика и кое-чего из мебели, средства имела. Даже незаношенные и еще крепкие порты и рубахи на каждый день не выдавала, а только по праздникам и в церковь. То же и с сапогами. Случалось, он вырастал, так и не успев износить одежду и обувь. Тетка просила соседку расставить, удлинить почти неношеное. Так он и рос, так и ходил в церковно-приходскую школу. Учителя отзывались о Кулябкине с похвалами. Петр закончил в ней 4 класса, получив свидетельство с хорошими оценками. Ну, а затем от Теляшова пришло письмо с согласием взять сироту на обучение в лавку. Марфа Захаровна собрала на дорогу двенадцатилетнему Петру узелок, сунула ему в руку пятак и пустила пешим ходом с двумя странниками в Петербург. Дорогой ели-пили, что Бог подаст. Ночевали в поле у дороги или на лесной полянке у костра. Умывались в речке или пруду. За неделю дошли. Так Петя Кулябкин и оказался в столичном Петербурге. Однако много с той поры воды утекло.

Глава 5 Тайна

Вернувшись в дом своей бывшей опекуни, Петр постучался к тетке и услышав старухин голос:

– Заходи, – скрипнул дверь с давно несмазанными петлями, издающими протяжно-жалобный вой побитой собаки, и вновь предстал перед очами тетки. Она сидела все в том же старом кресле, обитом хлопчатым бархатом, с давних пор потерявшим свой первоначальный цвет и изрядно потертом. Сколько себя помнил Петр, столько помнил он и это кресло, когда-то глубокого лилового цвета, как и шторы на окнах, и дверях комнаты хозяйки.

Несмотря на жаркий день, Марфа Захаровна была в шерстяном креповом платье с теплой шалью на узких, худых плечах, рядом с ней стояла клюка, с некоторых пор ее неразлучная спутница.

– Обедать будешь? Голоден с дороги, поди? – поинтересовалась она у Кулябкина.

– Благодарю-с, мы с Михаилом Платоновичем на постоялом дворе отобедали-с. Разве чаю отопью-с...

– Наташка! – кликнула Чечеткина.

Скоро дверь отворила краснощекая девица лет 16—17, с виду заспанная.

– Все спишь от безделья, бесстыжая! Самовар вскипел?

– Вскипел, Марфа Захаровна, вскипел.

– Неси.

Уже через минуту на столе появился большой начищенный самовар, вазочка из синего стекла с вишневым вареньем и воздушный, обсыпанный мукой, словно белой пудрой, калач-ситник в виде большого навесного замка с ручкой, какие пекли в городской пекарне у купца Пудовкина. Девушка разлила по чашкам чай и по знаку хозяйки удалилась, прикрыв за собой дверь.

А, за окнами, меж тем, смеркалось, будто по небу разлили черничный кисель. Августовские вечера в их присеверных краях наступают быстро и особенно темны в Кобылкине из-за отсутствия фонарей. Они есть лишь у постоялого двора, трактира и почтового отделения, остальные улочки и переулки городка безлюдны и непроницаемо черны. Поэтому осенью и зимой жизнь в Кобылкине замирает рано.

– Вот и лету конец... – многозначительно заметил Кулябкин, отхлебывая огненный чай из граненого стакана в подстаканнике. Хозяйка пила из черной чашки с алой розой-агашкой. Эту чайную пару от Кузнецова Марфа купила лет двадцать назад на ярмарке. Тогда она еще передвигалась без клюки и была завсегдаем городских осенних ярмарок. Там и посуду, и ситец, и скатерти с полотенцами покупала, умело торгуясь, сбивала цены у заезжих купцов.

– Совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Кулябкин. – Я, ведь, подарочек Вам, тетушка привез. Сейчас, из саквояжа своего достану.

Тетка хотела кликнуть Наташку, чтобы та принесла дорожную сумку Петра, но он сделал знак не звать девушку, сам пошел в сени, где оставил свой багаж.

Вернулся, держа в руках сверток. В нем оказалась шелковая турецкая шаль цвета прелой вишни с золотыми «огурцами» и такими же кистями – мечта купчих и горожанок из мещанского сословия, а также кулек засахаренных орехов и пастила в коробочке.

– Орехи, я, Петя и позабыла, когда ела из-за отсутствия зубов, а за пастилу спасибо.

При взгляде на нарядную шаль, поднесенную бывшим подопечным, в глазах Марфы Захаровны блеснул огонек, давно не появлявшийся в ее старческих глазах. Легко было догадаться, что с шалью тетке Петр угодил. Но она, все же, не преминула заметить:

– Не забыл мое добро. Однако, куда мне в ней?! Если только в гроб?

Тетка вновь окликнула девушку-прислужницу. Когда та возникла перед ней, старуха произнесла:

– Наташка, запомни мою волю: сею шалью, подарком родственника Петра Павловича Кулябкина меня после моей смерти во гробу обрядить.

После того, как девушка вновь скрылась из комнаты хозяйки, Петр решился спросить у тетки:

– Так, зачем вы меня вызвали к себе, Марфа Захаровна, позвольте узнать?

Старуха вновь приняла свое суровое выражение лица. Что было для нее привычным при ее седых, кустистых, торчащих, как у совы бровях. Жизненный огонек в глазах угас и она, немного помолчав, не сразу ответила:

– Долго я думала над одним делом, прежде чем позвать тебя к себе из Петербурга. До последнего сегодняшнего дня думала... Однако, делать нечего. Один ты у меня, хоть и седьмой водой на киселе приходишься. Да и с шалью мне угодил, запомнил мое благодеяние. Идем, покажу тебе кое-что на месте.

Марфа Захаровна, взяв в руки клюку и опершись на нее, не без труда поднялась из-за стола. Кулябкин заботливо подхватил ее под руку, когда она, отперев большим ключом тяжелую дверь, повела его вниз по старинной лестнице в подвал дома.

В руке у тетки горела толстая свеча, освещавшая им путь. Стены и пол подвала были каменными, местами с верхнего свода подземелья звучно капала вода в лужи под ногами идущих. Так они дошли и до второй запертой двери. Тетка нашла на связке нужный ей ключ и отперла ее. Дверь со скрежетом, напомнившим рык какого-то дикого зверя, не без усилия Кулябкина открылась, для чего ему пришлось хорошенько подтолкнуть ее плечом, благо силой и ростом его Бог не обидел, сказала хорошо поставленная в городском училище физическая подготовка. Перед Петром открылся узкий проход, в конце заканчивающийся тупиком.

Чечеткина остановилась:

– Все. Пришли мы на место. – Марфа Захаровна указала сухим перстом на стену старинной кладки. – Возьми этот камень, Петя и вынь его из стены. Кулябкин, соображая, чем бы ему подцепить массивный булыжник, осмотрелся и увидел валяющуюся под ногами столовую ложку. Он поднял ее. Видно, что из серебра, – крепкая и увесистая, при мерцающем свете горящей свечи заметен фамильный герб, указывающий на владельца. Кулябкин, воспользовавшись найденной ложкой, подцепил ею камень и он без особого труда отделился от стеной кладки. Тут, странным образом часть стены отошла в сторону и перед ними открылся проход в нишу. Петр и, поддерживаемая им Марфа Захаровна, прошли вглубь небольшого помещения, где к стене был прикреплен факел с просмоленной паклей, обмотанной рогожей. У стены лежало еще несколько таких же, видимо, заготовленных прозапас.

– Зажги огонь, Петя! – распорядилась Марфа Захаровна. – Теперь этот дом и все, что в нем, все принадлежит тебе. Я оформила на тебя дарственную.

Петр от свечи зажег факел, осветив изнутри небольшое помещение.

– Благодарю-с, тетушка, но как же мне проживать здесь, коли служба у меня в Петербурге. А других средств к существованию нету. И, стоило ли хлопотать, живите сто лет, как и обещали. Можно было б и завещание составить на дом...

– Завещание... Налетят стряпчие и прочие канцеляры, будут описать имущество в наследство составлять. Кругом свои носы совать. Нет, я тебя от этого избавила. И, ежели по совести, когда я этот дом у беглых из наших краев староверов покупала, то и твоя законная доля тут имеется. Твоих покойных родителей от продажи их дома средства остались. Бога, ведь, не обмануть, как простых смертных. Староверов уж очень тогда притесняли и погнали из наших краев к Белому морю, так они срочно и за небольшие деньги этот дом с садом мне и уступили.

– Благодарю еще раз, тетушка, но право зря беспокоились. А, зачем сюда мы пришли, можно поинтересоваться?

– Ты еще не все знаешь. Нажми на светильник и увидишь зачем я тебя привела.

Петр сделал, как велела ему тетка: нажал на основу крепежа факела и перед ним открылось новое помещение, вернее ниша, в которой стоял большой кованный сундук. Он был не заперт и откинув крышку, Кулябкин увидел, что сундук доверху наполнен старинными золотыми монетами. Были в нем и ювелирные украшения из драгоценных камней. При свете огня они сыпали искрами, слепя глаза.

– Как же вы не пользовались этим богатством, тетушка, а всю жизнь прожили весьма скромно, хоть и не в нужде. – поразившись увиденному, спросил Кулябкин.

– Так мне ж никто о нем не рассказал, чисто случайно клад мне открылся через много лет. Так и жила, не ведая, что по золоту хожу. А сейчас, Петя, отведи меня в мои покои. Устала я. Надо отдохнуть. Главное я тебе сказала. Теперь все твое, а мне, старухе на тот свет все равно не забрать.

Глава 6 Беспокойная ночь и отъезд

Петр Павлович помог тетке выбраться из подвала и прежде чем пожелать ей спокойной ночи и удалиться в отведенную ему комнату, передал старушку в руки прислужницы Наташки, которая уложила Марфу Захаровну в постель, накрыв ее теплым одеялом. Она уж было собралась погасить свечу и уйти к себе, как услышала голос хозяйки:

– Не тебе пара. Петр Павлович в Петербурге пост занимает. Благодаря моему благодетельству грамоте выучился. Ты зря около него не крутись и не смей глаза свои бесстыжие на него пялить. Накапай мне в рюмку капель. Что-то сердце жмет.

Девушка отошла от кровати Чететкиной к ящичку, где хранились лекарства хозяйки, отсчитала в рюмку пятнадцать капель, разбавила водой, как та велела делать и поднесла рюмку Чететкиной. Голова Марфы Захаровны лежала на высокой подушке, ее глаза были закрыты.

– Видать, уснула, – подумала прислужница, но прежде чем задуть свечу, посмотрев на хозяйку, засомневалась. Наталья дотронулась до руки старушки, от нее повеяло холодом.

– Марфа Захаровна, – позвала прислужница, но глаза Чететкиной, по-прежнему, были сомкнуты.

– Никак померла... – перекрестилась девушка. Тут она вспомнила о Кулябкине и побежала к дверям его комнаты с криком:

– Барин, Петр Павлович! Марфа Захаровна, кажись, померла!

Кулябкин, накинув халат, вышел на крик Натальи. Он опередил прислугу и первым вошел в покои тетки, с которой только недавно расстался, пожелав ей спокойной ночи. Взяв руку старушки, убедился, что пульс не прощупывается. Петр вспомнил о медике Сигареве:

«Как хорошо, что Миша еще не уехал. Надо его позвать. Вместе и засвидетельствуем факт смерти тетки. Я, как полицейский, он, как медик.»

Кулябкин хотел было отослать Наталью за Сигаревым, но посмотрев на часы, показывавшие уже за полночь, раздумал. Негоже молоденькой девушке идти ночью в трактир одной. Он быстро оделся и, взяв в руки зажженный фонарь, пошел на постоялый двор.

Разбудив заспанного Михаила, Петр велел ему одеться и пойти с ним. Пока шли по дороге, сопровождаемые со всех сторон громким лаем кобылкинских псов, бродячих и дворовых на привязи у своих будок, Петр сообщил о смерти тетки.

– А, ведь, только вчера обещала до ста лет дожить! Впрочем, выглядела она неважно. – напомнил Сигарев Кулябкину.

– У тебя, как у медика, глаз наметанный, – подтвердил Петр слова своего дальнего родственника. – А, все же хорошо, что это случилось, когда мы оба здесь и ты не успел уехать. Раз суждено было тетушке умереть, то все сложилось, как нельзя удачно.

Они подошли к дому Чететкиной, где после осмотра Михаилом усопшей составили протокол и свидетельство о смерти. На постоялый двор Сигарев уже не вернулся, а решил доспать прерванный сон в комнате с Кулябкиным, велевшим Наталье постелить Михаилу на диване. Наконец, под утро бурной событиями ночи, в доме покойной Марфы Захаровны все уснули и наступила тишина. Впрочем, согласно дарственной, лежащей в кармане сюртука пристава, дом и все имущество в нем уже по праву принадлежат новому лицу, а именно, Кулябкину Петру Павловичу.

Поднялись поздно, однако Наталья уже успела вскипятить самовар и сбежать к соседям, чтобы позвали женщину обмыть тело усопшей и обрядить его в последний путь. Из-за неутрахающей дневной жары конца августа, что было редкостью для этих мест, решили похоронить Марфу Захаровну как можно быстрее. Священник не сразу согласился, указав, что по церков-

ному правилу принято хоронить на третий день, однако, Кулябкин сказал, что тетка умерла незадолго до полуночи, так, что все выходит без нарушения церковных канонов. Батюшка дал добро. Отпели и похоронили Марфу Захаровну на утро следующего дня. Наталья выполнила волю покойной и ее тело в гробу укрывала роскошная шаль, подаренная Петром. Михаилу пришлось дать телеграмму родителям в Псков, что он задержится в Кобылкине. О причине не сообщил, так, как Четечкина их родней не являлась. Соседки помогли Наталье приготовить поминальный обед, после которого Сигарев собрался уезжать. С постоянного двора прислали его вещи с извозчиком, нанятым до Пскова. Следом за ним в Петербург засобирался и Кулябкин. Все бы ничего, да Наталья бросилась к новому хозяину в ноги:

– Возьми, барин с собой в Петербург на услужение тебе. Не оставь меня, сироту на улице одну-одинешеньку!

Кулябкин от неожиданности растерялся. Он привык жить в казенных условиях, пользовался услугами прачки и кухарки, готовящей на всех, таких же, как и он, бессемежных нижних чинов. Раньше вполне обходился, нанимать отдельную прислугу для себя слишком расточительно, не по его рангу. Взять горничную, да еще молодую девушку на свою служебную площадь из одной небольшой комнаты с закутком, было бы делом совсем невозможным. Придется снимать отдельную квартиру с кухней и комнатой для прислуги. Впрочем, ему, как человеку, получившему наследство, это теперь по карману. Для сослуживцев вполне понятна и объяснима такая перемена. Разумеется, о неожиданно свалившемся на Кулябкина богатстве, в виде сундука до краев наполненного золотом не узнает ни одна чужая душа, а он уж подумает, что с этим делать дальше, чтобы не вызвать кривотолков, подозрений и, особенно, зависти.

Проводив в дорогу Михаила, Петр задумался о судьбе Натальи. Поразмыслив и вспомнив свое раннее сиротство, решил пожалеть ее: велел собирать девушке с собой в Петербург все необходимое. На следующий день он распорядился забить окна и двери дома надежными досками, снял с цепи теткинго пса, сел с Натальей в повозку и приказал извозчику ехать в Санкт-Петербург.

Глава 7 Приезд в столицу

В столице Кулябкин временно, до той поры, пока не найдет и не снимет подходящую квартиру, определил Наталью Сковородину на постоялый двор, в отдельную, довольно уютную и опрятную комнату с широкой металлической кроватью, покрытой каньевым покрывалом. В изголовье одна на другой лежали большие, пышные подушки в ситцевых наволочках, отороченные оборочками по краям. Из мебели в комнате имелся резной буфет с посудой за стеклянными дверцами, стол, покрытый льняной скатертью с кистями, четыре стула, начищенный воском шифоньер с зеркалом. На крашенном полу постелена дорожка. У окна возле кадки с фикусом – щегол в клетке, которую на ночь нужно накрывать темным платком. Обрадованная такой, по ее понятию, красотой, Наталья – деревенская девушка с простодушием ребенка, получившего неожиданный подарок, нисколько не смущаясь Кулябкина, плюхнулась на кровать. Пружинистый матрас заскрипел, а она с какой-то неистойвой улыбкой поднимала и опускала на нем свои округлые бедра в черной дорожной юбке, из-под которой виднелись стройные крепкие ножки. От этих движений пуговицы на кофточке расстегнулись, обнажив ее белую нежную кожу шеи и груди, какая бывает у девушек только в ранней юности.

– Когда родители были живы, мы с сестренкой любили так на их кровати забавляться! Я у Марфы Захаровны на топчане из соломы спала. Ох, теперь отосплюсь на мягком! Все бока дорогой отбила в повозке...

Кулябкин стыдливо отвел глаза, ему захотелось побыстрее уйти. Однако, спросил:

– Так, у тебя сестра есть?

Наталья, вдруг опомнившись, спохватилась перед молодым мужчиной; села на кровати, застегнула кофточку и поправила волосы:

– Как же, есть, конечно. Только после смерти родителей ее в приют отдали. Она меня моложе лет на 7—8. А я в услужение пошла. Еще до Марфы Захаровны в няньках успела побывать в чужой семье.

Петр, не глядя на девушку, сказал:

– Я заплачу за комнату и за столование. Никуда не выходи. Меня разыскивать тоже не следует. Как найду квартиру сам приду за тобой.

Очень скоро квартира из двух просторных комнат с кухней была благополучно снята. Довольные удачной сделкой хозяева, получив от Кулябкина плату за аренду, благополучно отбыли в деревню, умиротворенно полагая, что от пристава полиции беды не будет. Судя по всему, человек он надежный и со средствами, раз выплатил аренду вперед за полгода.

Конечно, для Петра Павловича эта сумма казалась совсем ничтожной, по сравнению с тем богатством, что передала ему Марфа Захаровна. При желании он в состоянии купить один из лучших особняков в черте города, нанять штат прислуги, приобрести дорогой экипаж с кучером... Может и службу оставить, зажить беспечной жизнью богатого рантье, но Кулябкин не был кутилой и мотом, и, что важно, ему нравилась его работа, хоть и была она под час сопряжена с риском для здоровья, а случалось и жизни. Особенно поначалу службы, когда был на самых низших должностях: городовым, околоточным надзирателем. Постепенно Кулябкин втянулся в службу, обрел опыт, уважение коллег и жителей на подведомственном ему участке, а приносимая им польза обществу, наполняла скромную, нестяжательную душу Петра осознанием своей нужности и даже необходимости. На его счету много спасенных судеб разных людей, попавших в жизненные передрыги и коллизии, часто по этой причине, нарушивших закон. Здесь и жены, побитые пьяными мужьями, и дети, бежавшие от насилия в семье на улицу. Было и раскрытие краж, и недобросовестная торговля негодным к употреблению товарами, незаконное содержание домов терпимости... Да мало ли чем приходилось зани-

маться нижним чинам полиции в таком большом городе, как Санкт-Петербург. К счастью, Петр Кулябкин обладал высоким ростом, могучей силой с железной хваткой, быстротой реакции и острым, внимательным взглядом. Его побаивались нарушители закона и отпетые преступники. С полной уверенностью можно сказать, что этот человек был на своем месте по охране правопорядка.

Глава 8 Решение

Прошло три дня и Кулябкин, как и обещал, появился в гостиничном номере девицы Натальи Сквородиной, который он для нее снял. По виду девушки было заметно, что она успела отдохнуть с дороги и хорошенько отоспаться на мягкой кровати в окружении подушек. Румянец играл на ее по-детски пухлых щеках, светлые волосы расчесаны на прямой пробор и заплетены в две тугие косицы, ярко-голубые, смешливые глаза смотрели прямо и беззастенчиво в золотисто-карие глаза пристава Кулябкина. От этого ее взгляда Петру становилось как-то не по себе. Он по долгу службы повидал немало девиц и помоложе Натальи, среди них были и те, кто околачивался вблизи трактиров в надежде поесть и заработать постыдным занятием. Однако, лишь редкие из них смотрели ему в глаза, как эта девица Сквородина. Пристав Кулябкин, несмотря на свой опыт, задался вопросом:

«Что это? Шалость? Детская наивность или, напротив, взгляд хитрой, искушенной особы, разыгрывающей перед ним роль одинокой, несчастной сироты...»

Ответов Кулябкин пока не знал, в дороге они все больше молчали: он читал, а Наталья дремала или глядела по сторонам из повозки.

Однако, хорошенько поразмыслив накануне своего визита в гостиницу к девице Сквородиной, он уже принял твердое решение, что ему делать с ней дальше.

Горничная заглянула в номер спросить, не принести ли чаю? Не смотря на выходной, Петр Павлович был в мундире и, как положено, при оружии на портупейных ремнях. Понятие выходного дня для него было весьма условным, он всегда ежечасно и ежеминутно чувствует себя несущим службу, даже ночью.

Вскоре горничная вернулась, неся перед собой на подносе большой, разрисованный розами чайник со стаканами в подстаканниках, сахарницей, наполненной кусками колотого сахара и свежими румяными плюшками на блюде. Поставив поднос на стол, она спросила, что еще надобно принести. Кулябкин ответил, что пока ничего не нужно и горничная вышла из комнаты, закрыв за собою дверь.

Выпив вместе с Натальей чай, Петр отставил в сторону пустой стакан. Слегка поглаживая накрахмаленную скатерть своей большой, загорелой рукой, он собирался с мыслями, прежде чем начать разговор. Наталья сидела за столом напротив Кулябкина и выжидающе смотрела на него. Наконец, он произнес:

– Так, вот, что Наталья Сквородина; привез я тебя по твоей слезной просьбе в столицу, а что дальше с тобой делать и не знаю, вернее, не знал...

Наталья перебила Петра Павловича, не дав ему договорить:

– Вы же квартиру нанимать собирались. Сами и говорили-с, что как снимите, так и придете за мной!

– Квартиру-то я нанял... А, тебя куда?

– В услужение к вам. Я готовить, стирать, я всему обучена. Марфа Захаровна была довольна мною, хоть и непросто было ей угодить.

Кулябкин поднял глаза на девушку:

– Нехорошо, не положено нам вместе жить под одною крышей. Я не стар и ты уже не дитя. Неправильно это, когда девица с холостым мужчиной вместе проживают.

Наталья отвела глаза и опустила голову:

– Да не девица я! Никакая не девица...

Кулябкин оторопел, он не мог догадаться, что она имеет в виду.

– Как тебя понимать?

– Если вы про девство, то я давно его лишена. Еще, когда в няньках была у Горелова, что в приказчиках у графьев Ордынских значился. Он и лишил меня невинности, мне тогда

12 с половиною лет было... Сначала плакала, потом смирилась. Он мне конфет купит или денюжку даст, мне и радостно. Только недолго он мною забавился, понесла я от него. Жена узнала, повела меня к бабке, та дите во чреве моем и умертвила... Порченная я, грешная. Опося его жена выгнала меня:

– Иди, куда хошь, а из усадьбы – вон! Ежели увижу, лицо тебе кипятком попорчу!

Вот и пошла я в Кобылкин, а там окромя, как в трактир – некуда... Хорошо добрые люди помогли. Так и попала я в услужение к Марфе Захаровне.

– Сколько лет тебе?

– Пятнадцать.

– Выглядишь старше. Ты грамотная, читать-писать умеешь?

– Нет. В школу не ходила. Рано сиротство познала, до Горелова перебивалась как могла, а чаще у церкви милость просила.

– Учиться пойдешь. Жить будешь при монастыре. Я договорился. Раз уж я тебя, как сироту принял, то буду помогать еще и потому, что сам сиротой рано остался. Все необходимое: обувь, одежду, белье, на зиму верхнее платье, – это все я тебе оплачу. В монастыре пожертвование сделал, там тебя не обидят. Но и ты меня не подводи, слушайся учителей, монахинь. Грамоту освоишь, ежели захочешь, – дальше учиться пойдешь.

Наталья подняла глаза на Кулябкина:

– Я бы лучше к тебе, на услужение...

Кулябкин усмехнулся:

– Ты сначала выучись и подрасти маленько. А там и жених тебе найдется.

После этих слов девушка еще ниже опустила голову.

Глава 9 Неожиданное задание

Как и обещал, отвез Петр Павлович свою подопечную в один из монастырей, что под Санкт-Петербургом, где по договоренности с настоятельницей зачислили Наталью Сквородину в 2-х годичную школу при обители. Ученицами были такие же, как и Наталья, девочки и девушки, в основном, из крестьян или бедного мещанского сословия, большей частью сироты без материальной поддержки. Наталья и еще три девицы были самыми старшими по возрасту. Исходя из этого, монахини наложили на них дополнительные обязанности по заботе над младшими ученицами. Что касается Натальи, то она делала это с охотой, памятуя свою сестренку Татьяну. Ее обрадовало, что благодетель Петр Павлович, пообещал забрать из приюта и привезти сюда же на обучение младшую сестру. Свое слово он сдержал и определил восьмилетнюю Таню в школу при монастыре. Так сестры вновь воссоединились. Радости было сверх меры, однако, одна из сестер-монахинь, заметив это, высказала Наталье:

– Ты должна относиться ко всем одинаково и ничем не выделять свою сестру, тем более, что ты через два года закончишь школу и уйдешь, а сестре по малолетству предстоит отучиться полных четыре года, а это значит, что два года ей предстоит здесь пробыть уже без тебя.

Наталья отважилась спросить, а что она будет делать после двухлетнего обучения? Монахиня ответила:

– В горничные пойдешь или на какую другую работу по найму.

Наталья промолчала перед служительницей церкви, но еще тогда решила:

«Уж, если и в услужение, то только к нему, Петру Павловичу. Самому лучшему и доброму. Да, и писаному красавцу, статному с усами! А, уж каков он в мундире при ремнях, да с наганом на поясе и с саблей на боку! Свет таких не видывал!»

Не часто, в основном по праздникам, Кулябкин приезжал проведать своих подопечных. Привозил полную телегу гостинцев на всех учениц: пряники, печенье, орехи, яблоки, мед, конфеты, булочки, леденцы на палочках... монашкам на подношения не скупился, сама настоятельница распорядилась его упоминать на службах «О здравии». Узнав, что корова в монастыре пала, купил двух отелившихся с телятами, да и лошадь с повозкой в придачу для ведения монастырского хозяйства. Не говоря о теплых одеялах и матрасах с подушками в спальни учениц. На все просьбы монахинь отзывался скоро и с щедростью.

Так, незаметно, осень сменилась унылыми днями предзимья. Все чаще небо накрывали снежные тучи и время приближало Рождество.

Как-то, Кулябкина вызвал к себе начальник и спросил:

– Ты, Петр Павлович родом из Псковской губернии? Так, ведь?

– Так и есть, Николай Евграфович, из тех краев я.

– Тогда хочу послать тебя туда с командным заданием. Имение графа Ордынского за долги на торги выставляют. Ты, как пристав, поедешь от нашего ведомства. Дам еще в придачу к тебе двоих полицейских и писаря. Через два дня выезжай экипажем до города Кобылкина, что всего в 10—12 верстах от имения господ Ордынских. Из ныне здравствующих наследников лишь вдова графа и дочь незамужняя, лет двадцати. Прожили все состояние покойника в Париже, а теперь, торги за долги. Считай, – нищими остались.

Глава 10 Грустная дорога

Маменькины усилия, как можно скорее выдать Мари замуж в Петербурге еще до униительной процедуры описи имущества, а затем и самого страшного, – продажи имения с молотка, потерпели сокрушительное фиаско. В столице их приняла кузина матери баронесса Вера фон Краузен. Светская львица, достигшая тридцати восьми лет, что по меркам высшего общества означало закат женской обольстительности и переход в матроны. Из танцующей на балах Perfect woman в окружении поклонников, с покорностью занять место наблюдающей со стороны в лорнет за происходящем вокруг. Тем самым, постепенно становясь одной из уважаемых, но, увы, пожилых дам, ездящих по балам, чтобы милостиво улыбаться юным дебютанткам, недавно вышедшим в свет, обсуждать их красоту и наряды, сплетничать по поводу светских романов и интриг. Вера Львовна болезненно переносила сей факт, несмотря на то, что красота и стройность фигуры все еще были при ней. Удачно вышедшая замуж за богатого немца и землевладельца в Остзейском крае, она родила в браке с бароном фон Краузен двоих детей: старшего сына Ивана, – ровесника Мари и дочь Надежду, которой едва исполнилось шестнадцать лет и, на которую все чаще засматриваются женихи высшего петербургского общества.

Уступив давлению матери, Мари покорно ездила с ней по гостям часто в компании двоюродной тетки фон Краузен, уже выводящей в свет собственную дочь Надин или Надежду – юную, прелестную и богатую невесту на выданье. Рядом с троюродной шестнадцатилетней кузиной, излучающей чарующую улыбку, на двадцатилетнюю, всегда серьезную Мари Ордынскую, вероятные женихи поглядывали с некоторой опаской. Несмотря на изящество и красоту, ум и образованность молодой графини, она не вписывалась в непривычную для себя светскую жизнь Петербурга. Ей поступило два предложения: от престарелого князя Лозинского, который и ходил уже с трудом, опираясь на трость, или поддерживаемый слугой. Не успели Ордынские ответить на предложение князя, как того не стало. Старик так и не дожидаясь ответа от графини Марии Александровны. Ради правды стоит признать, что получи ее матушка Софья Николаевна подобное предложение от князя, она немедленно приняла бы его. Старик был очень богат и не имел прямых наследников. Видимо, старое сердце сластолюбца Лозинского, известного в свои молодые годы бесчисленными романами, не выдержало потрясения от красоты и изысканных манер Мари Ордынской.

Вторым посватался молодой и симпатичный гвардейский поручик, имевший привычку подкручивать усы. Но слава кутилы, проигравшего родовое имение в карты, и окончательно разорившегося с непомерными долгами, успела дойти до Софьи Николаевны раньше, чем рассчитывал жених и ему было отказано. А время поджимало. В результате этих визитов, предложение руки и сердца от молодого, красивого, богатого и достойного во всех смыслах жениха получила Наденька фон Краузен и их помолвка состоялась той же осенью. Свадьбу обоюдно решили сыграть после православной Пасхи, на Красную горку. По настоянию матери Веры Львовны; дети в семье были крещены по православному обряду. Отец семейства – остзейский немец из любви к жене и сам перешел в православие.

Возвращение матери с дочерью из Петербурга, в выставленное на торги имение, было тягостным вдвойне. Вдовствующую графиню угнетала вина перед дочерью, испытавшей унижение от бесполезных поездок по домам Петербурга в поисках выгодной партии. В нанятой дорожной карете, Софья Николаевна, поднося к лицу кулон с нюхательной солью, едва сдерживала слезы отчаяния. Мари же, напротив, сидела застыв с безучастным видом. Всю дорогу от Петербурга она молчала, не проронив и слова.

Наконец, мать сказала:

– Нам просто не посчастливилось, Мари. Осень, еще не все вернулись в Петербург из заграницы и своих имений... Обычно светская жизнь оживает в столице зимой: театры, маскарады, балы... Так до самого Великого поста. Нам не хватило времени, а судебные исполнители не продлили отсрочку, хотя бы на полгода. Ты бы, несомненно, имела успех в зимнем сезоне и, наверняка, получила б лестное предложение.

Мари в ответ матери усмехнулась:

– Однако, это не помешало Наде фон Краузен получить предложение от завидного жениха.

– Что я могла сделать, Мари! После долгого отсутствия мои связи в светском обществе Петербурга ослабли, а то и вовсе утеряны. Нам и остановиться, кроме, как у кузины Веры было негде. Я, уж, не хочу сказать, что у нас не имелось средств на достойную нашего высокого происхождения гостиницу. Конечно, весьма больно и обидно, что такая девчонка, как Наденька фон Краузен обошла тебя, но и ты тоже виновата, что не хотела ездить со мной по балам в Париже. Мне надо было настоять. Ты бы давно получила массу лестных предложений еще во Франции и уже была замужем за бароном или виконтом. Там широкий выбор знатных и состоятельных господ! Все свои лучшие годы ты просидела с книгами в церковном соборе Парижа! А, что мы будем делать после продажи с торгов нашего имения и всего имущества, – понятия не имею!

– Тогда бы я окончательно потеряла связь с Родиной и совсем не знала русский язык. Тетушка Вера Львовна предупредила меня, чтобы я в обществе называла Надин по-русски Надя, потому, как мода на французский прошла и Государь-император Николай Александрович твердо ратует за русский стиль во всем и в именах тоже.

Тем временем карета с матерью и дочерью, пересекла черту городского поселения Кобылкин и свернув с дороги, поехала в имение Ордынских.

Глава 11 Тягостные думы

Мари сидела в своей комнате при свечах и с грустью смотрела в темное вечернее окно. Думы теснились в ее голове, а сказанное матерью в порыве отчаяния и безысходности, не давало душе молодой графини покоя.

Мари подошла к зеркалу, посмотревшись в него, сняла с шеи чокер, ленту из черного бархата, плотно отхватывающую ее изящную шею. К чокеру крепился крест с крупными сияющими бриллиантами, – подарок ее отца матери Софье Николаевне на свадьбу. Со временем чокер стал ей тесен и она передала его подростковой дочери, как память о умершем отце.

Молодая графиня вынула из ушей бриллиантовые серьги, сняла с пальцев кольца. На ней остался лишь ее маленький крестильный крестик на тонком шелковом шнурке. Снятые с себя драгоценности Мари убрала в шкатулку с жемчужным ожерельем и понесла в будуар матери.

Софья Николаевна лежала на бархатной кушетке, ее лоб туго стягивала повязка, что указывало на мигрень, иногда мучившую графиню своими спазмами.

Дочь подошла и молча протянула шкатулку матери. Та спросила:

– Что это, Мари?

– Это бывшие мои драгоценности. Теперь они Ваши, маман. Мне они больше не нужны. Вы можете их продать и на скромную квартиру в Петербурге и прожитие Вам на несколько лет может хватить, если без излишеств. Мои меха, боа – тоже Ваши.

– Что такое? Почему? – мать с удивлением посмотрела на дочь.

– Я прошу Вашего благословения на мой уход в монастырь.

Графиня Софья Николаевна, словно плетью ударенная, в порыве нервного возбуждения вскочила с кушетки и, забыв о мигрени, заходила по комнате, заламывая руки:

– Нет, никогда! Никогда ты не получишь от меня благословения, пока я жива! А без этого тебя ни одна святая обитель не примет! Мари, сжался! Не оставляй меня одну в этом мире. Я согласна жить скромно, довольствоваться малым. Забыть и навсегда оставить свет. Нам хватит средств. У меня тоже осталось кое-что из драгоценностей, к счастью, незаложенных в ломбард. Я без сожаленья оставляю все, только ты не уходи, не покидай свою несчастную мать!

Не справившись с пережитым волнением, София Николаевна лишилась чувств. Дочь поднесла к ее лицу нюхательную соль и мать, наконец, пришла в себя.

Глава 12 Встреча пристава с хозяевами усадьбы

Пристав Кулябкин и сопровождавшие его лица, прибыли в Кобылкин накануне торгов. В дороге коллежский секретарь, достигший 10 чина Петр Павлович, сидя в служебной карете, ознакомился с делом имения Ордынских. В его задачу входило соблюдение порядка и надзор за ходом торгов. Старого графа он, будучи еще мальчишкой, видел несколько раз, когда тот ехал в карете по проезжей кобылкинской дороге в имение. А сегодня ему предстоит малопривлекательная встреча с теперь уже бывшими владельцами усадьбы. Аукцион лишь юридически-документально засвидетельствует этот факт. На участие в торгах поступило немало заявок и велика вероятность того, что сделка состоится. Весь вопрос в том, останутся хоть какие-то средства вдове и дочери покойного графа после того, как будут уплачены все долги кредиторам.

Остановились, откомандированные из Петербурга должностные лица, на постоялом дворе городского поселения Кобылкин. После обеда в трактире пристав Кулябкин, оставив там сопровождающих его двоих охранников-полицейских и писаря, сел в служебную карету и приказал отвезти его в имение Ордынских, что в 12 верстах, по современным меркам немногим больше 12 километров.

Прибыв на место, Кулябкин решил осмотреть помещение, где намечено проведение аукционных торгов. Это был большой и светлый парадный зал с колоннами и огромными окнами на две противоположные стороны. Наборный паркет из дорогих и редких пород деревьев, зеркала с венецианским хрустальными подвесками, старинные гобелены из Европы, указывали на бывшее величие владельцев усадьбы старинного и знатного рода.

Потомок крепостных Кулябкин впервые так близко соприкоснулся с блистательным миром русской аристократии, впервые проник в эти роскошные апартаменты, пусть и в качестве должностного лица при исполнении.

Его мысли прервались с появлением двух особ, идущих к нему, через анфиладу комнат. Как было нетрудно догадаться, то были мать и дочь Ордынские.

При их виде пристав Кулябкин учтиво поклонился дамам. Графиня Софья Николаевна была облачена в черное платье из шелка муар-антик, на ней была шляпа из черного бархата с лентами той же муаровой ткани, что и платье. Лицо графини было под тонкой сеткой черной вуали. На руках перчатки из той же сетки. Всем своим видом она показывала, что пребывает в трауре по своей былой жизни: с роскошью, балами и великосветскими приемами.

Ее дочь Мария Александровна была одета гораздо проще и скромнее своей матери. Их наряды роднило только одно общее – черный цвет. Но, если мать выглядела, как настоящая аристократка и светская львица, то молодая графиня, так и не поднявшая глаз на пристава, выглядела, скорее, как пансионерка строгого заведения или послушница перед постригом. Ее мертвенная бледность поразила Кулябкина. Тонкие черты лица и сжатые почти бескровные губы... Цвета глаз Марии Александровны Кулябкин, привыкший по долгу службы запоминать лица и характерные особенности внешности, так и не увидел. Глаза молодой графини прикрывали опущенные веки с длинными, загнутыми ресницами.

Поинтересовавшись, какие у хозяйки усадьбы есть к нему, как представителю власти жалобы и убедившись, что жалоб нет, пристав Кулябкин сообщил, что торги состоятся в начале следующей недели, после окончания приема заявок на участие в аукционе.

На лице вдовствующей графини появилось выражение, напоминающее гримасу от боли. Она выдохнула:

– Ох, уж поскорее бы! Хуже нет, – ждать конца. Мы будто затворницы в ожидании казни. Пристав Кулябкин счел своим долгом пояснить:

– То, что немного продлен срок подачи заявок на участие в торгах, на самом деле выгодно вам, как продавцам: чем больше участников, тем выше цена... Правило состязательности – главное достоинство аукционных торгов.

После его слов женщины удалились. Мария Александровна, ничего не сказав и ни разу не подняв глаза на пристава, ушла, поддерживая мать под локоть, оставив Кулябкина одного в большом зале бывшей усадьбы Ордынских.

Посещение поместья, как и встреча с матерью и дочерью Ордынскими заставила пристава взглянуть на происходящее с ними совсем под другим углом. Одно дело читать сухие строчки отчета на бумаге и совсем другое, – встретиться с живыми людьми, ввергнутыми в пучину жизненных коллизий. А, беды, постигшие женщин весьма серьезны; остаться без средств, без крыши над головой... При их привычке жить в комфорте и даже роскоши... Надо отдать должное, графиня-мать держалась с достоинством, не теряя самообладанием, а дочь... В отношении младшей представительницы рода Ордынских Петр Павлович пока не имел, что сказать, но большая разница между ней и матерью очевидна.

Вернувшись из усадьбы, пристав Кулябкин отобедал с сослуживцами в трактире, отдал писарю набело переписать краткий отчет о подготовке помещения к аукционным торгам, затем сел в нанятую при постоялом дворе пролетку и приказал везти его в Псков, до которого было не более 25—30 верст. Перед отъездом Кулябкин предупредил сослуживцев, что возможно, вернется или сегодня же поздней ночью, либо к завтрашнему утру. От сопровождения отказался.

Глава 13 Поездка в Псков

В Пскове Петр Павлович нанес деловой визит хорошо знакомому ему по прошлым делам стряпчему или, как сейчас, – адвокату по гражданским делам Антону Петровичу Затевахиному, опытному профессионалу с кристальной репутацией. За услуги брал дорого, но оно того стоило. Кулябкин знал, что именно такой стряпчий, как Затевахин ему сейчас и нужен. Ему можно довериться и клиентскую тайну он сохранит. А стоимость услуг конторы Затевахина интересовала Петра Павловича меньше всего. За срочность составления бумаг и договора, он добавил сверху еще половину от общей суммы гонорара. И контора со служащими, отложив на время другие дела, заработала исключительно на поступивший запрос Кулябкина и к вечеру Петр Павлович получил на руки все необходимые документы, заверенные подписью и личной печатью Затевахина А. П.

Сев в ожидавшую его целый день, нанятую пролетку, Кулябкин приказал возчику ехать обратно в Кобылкин и уже наступившей ночью они вернулись на постоянный двор, откуда накануне выехали в Псков. Своим появлением Петр Павлович разбудил дремавшего полового и на вопрос:

– Чего изволите: чаю или отужинать?

Распорядился:

– Чаю и перекусить: будь то хлеба, колбасы. В номер ко мне принеси.

После легкого перекуса, Петр устало снял с себя мундир, аккуратно повесил его на спинку стула. Положил под матрас личное оружие, – револьвер в кобуре. Оставшись в одном исподнем белье, нательной рубахе и кальсонах, лег на кровать, натянул на себя одеяло и быстро уснул.

На следующий день было воскресенье и Кулябкин на призыв зазвонившего колокола местной церкви пошел на утреннюю службу, посвященную празднику Казанской Божией Матери. По дороге к храму неожиданно налетела метель из снежной крупы и быстро промчавшись, унеслась прочь, оставив после себя чистое небо с засверкавшим на нем золотом солнцем. Такое явление в конце октября Петр Павлович счел добрым знаком.

Переступив порог церкви, подал записки «О упокоении» и «О здравии», накупил свечей, внес пожертвование в церковный ящик. Обходя иконы, перед каждой осенял себя крестным знаменем и ставил свечу. У праздничной иконы Казанской Божией Матери, он заметил одиноко стоящую девушку в черном платке, держащую перед собой зажженную свечу. Петр побоялся нарушить это единение с Богом просьбой, – зажечь свою свечу от ее свечи, перед тем, как поставить в поликандило. Кулябкин хотел было отойти к другому церковному подсвечнику, как девушка повернула к нему свое лицо и посмотрела на пристава внимательным взглядом серо-голубых глаз. Это была Мария Ордынская. Она поставила свою зажженную свечу в поликандило. Петр, растерявшись от неожиданной встречи с молодой графиней, ответил ей поклоном и зажег свечу от свечи Марии.

В церковь стал прибывать народ, в основном местные жители Кобылкина и вскоре началась служба.

Мария Александровна уединилась в укромном уголке старинного храма, не желая никого видеть и самой не попадаться людям на глаза. После окончания службы Петр искал ее глазами на выходе из церкви среди прихожан, однако так и не нашел.

«Видимо, ушла из храма через боковую дверь,» – догадался пристав.

На этот раз Петр Павлович ошибся. Молодая Графиня исповедалась настоятелю храма и немного задержалась в церкви.

Идя по дороге, Кулябкин заметил, проехавшую мимо него повозку, свернувшую в сторону усадьбы Ордынских.

«Вне всякого сомнения, Мария Александровна возвращается в свое имение,» – подумал, глядя ей вслед Петр Павлович, – «пока в свое имение.»

Глава 14 Аукцион

Наступил день открытого аукциона по продаже недвижимого имущества Ордынских. Молодая графиня Мария Александровна на торгах не присутствовала. Начальная цена усадьбы была объявлена стоимостью в 30 тысяч рублей. Графиня Софья Николаевна была подавлена, этого не хватит, чтобы расплатиться с кредиторами, а ведь надо еще на что-то жить ей с дочерью. В отчаянии она обратилась к приставу Кулябкину не только, как должностному лицу, но и, как к человеку, внушившему ей доверие при их первой же встрече. Он успокоил графиню-мать:

– Изначальная цена с учетом принятых заявок, значительно увеличится. Нередко случается – в разы. Поэтому, смею посоветовать Вам, графиня, не волноваться.

– Да, да... Вот, и управляющий Василий Спиридонович не даром сетует, что поместье с землями без крестьян, неизбежно к разорению приведет. Я плохо ведаю в хозяйственных делах, по правде сказать, ничего в этом не смыслю. Из людей разумных и опытных многие удивлены, что мы прожили пятнадцать сезонов так беззаботно в Париже. Впрочем, конюшни наши пусты, оранжерея в упадке, земли заброшены... Более тридцати с лишним лет после крестьянской реформы прошло, все сильные и ловкие мужики уехали в города, некоторые разбогатели, а представители знати нищают. Дай Бог пережить все это, – с горечью в голосе призналась приставу графиня-мать.

Тем временем, большой парадный зал заполнился участниками аукциона. Ведущий объявил о начале торгов с заявленной цены в тридцать тысяч рублей, но, как и уверял пристав Кулябкин, ставки постепенно повышались и цена за имение Ордынских достигла сорока двух тысяч. Далее темп состязания заметно снизился. Все велось к тому, что это предельная цена за поместье с землями. Ну, если кто-то еще предложит сверху того 200—300 рублей. А это означает, что долги полностью покрыть Ордынским не удастся. А, ведь, надо еще на что-то жить...

На основании имеющихся документов, пристав Кулябкин был хорошо осведомлен бедственным положением вдовы и дочери покойного графа Ордынского. Ведущий аукциона, назвав в последний раз цену в сорок две тысячи пятьсот рублей, поднял молоток, чтобы с его ударом закрыть торги и объявить имя лица, приобретшего имение Ордынских. Однако, он не успел этого сделать. Незнакомый местному обществу господин в черном сюртуке и цилиндре, все время до того молчавший и лишь наблюдавший за происходящим, поднял карточку участника торгов:

– Предлагаю цену в шестьдесят тысяч рублей!

Все присутствующие разом на него обернулись, но господин, назвавший такую неожиданную цену, был никому не знаком. Аукционист повторил:

– За имение графа Ордынского участник, пожелавший остаться неизвестным, предложил цену в шестьдесят тысяч рублей!

После чего последовал удар молотка и сделка состоялась. Участники торгов поднялись со своих мест и стали расходиться. Взгляд пристава Кулябкина коснулся лица графини Софьи Николаевны; из мертвенно бледного оно покраснело от прилива крови. Графиня, дрожащей рукой поднесла к ноздрям кулон с нюхательной солью и лишилась чувств, к счастью, ненадолго. Кто-то принес ей стакан с водой, она отпила несколько глотков и, поддерживаемая под руки служанкой, направилась к выходу из парадного зала, давнего свидетеля ее триумфальной молодости во всем блеске, а теперь и падения знатного рода своих бывших хозяев. Глядя в след графини, Петр Павлович отметил про себя: «Однако, при всем трагизме произошедшего, Софья Николаевна неизменна себе и безукоризненна: платье, шляпка с вуалью, ридикюль, расшитый бисером, перчатки... Будто в театр собралась. Вот, что значит голубая кровь, вот, оно – столбовое дворянство! Этому нельзя научиться, с этим рождаются.»

Глава 15 Разговор перед отъездом

На следующий день пристав Кулябкин приехал в имение Ордынских попрощаться с семьей покойного графа перед отбытием в Петербург в связи с выполнением служебного задания.

О его прибытии доложили графине-матери и молодой графине. Мария Александровна сказалась больной и не вышла к приставу, а Софья Николаевна, напротив, выразила свое желание увидеться с Петром Павловичем, если у него есть немного времени, чтобы обождать ее.

Слуга провел пристава в одну из анфиладных комнат, что вели в парадный зал, где накануне состоялся аукцион, на котором решился вопрос с новым владельцем усадьбы.

Петр Павлович сел в одно из кресел в ожидании появления вдовствующей графини. Она не заставила долго себя ждать и появилась перед приставом тщательно одетая и причесанная, но по теням под глазами, можно было догадаться, что графиня Ордынская накануне провела бессонную ночь.

Кулябкин поднялся навстречу, идущей к нему Софье Николаевне. Он поклонился графине, она ответила легким наклоном головы, затем села в кресло напротив пристава, сделав знак, последовать ее примеру.

– Мари нездоровится, она просила передать, что испытывает неловкость за невозможность лично проститься с Вами, Петр Павлович. Я, в свою очередь, благодарю Вас за оказанную поддержку в нашем ужасном положении. Теперь ждем, когда нас отсюда попросят... Мари не здорова, а я в таких делах абсолютно беспомощна. Надо искать квартиру, пусть самую скромную, но в Петербурге. Хорошо, что осталась некоторая сумма на жизнь, ну, а как там дальше сложится, одному Богу известно. В глазах графини блеснули слезы, но она взяла себя в руки.

Кулябкину стало искренне жаль вдову. Неприятности, произошедшие с ней в последнее время, исказили и рано состарили лицо некогда одной из первых красавиц Петербурга и Парижа.

– Моя жизнь кончена, в свет я больше не вернусь и буду тихо доживать свой век в раскаянии, молитвах и постах! Но дочь! Ах, если бы Вы знали, что совсем недавно бедная Мари отдала мне все свои драгоценности и слезно умоляла меня, как мать, дать свое благословение на постриг ее в монахини. Я не знаю, кто так щедро заплатил за нашу усадьбу и тем самым спас меня и дочь от жутких последствий. Я бы не посмотрела на свое знатное происхождение и в ноги бы упала с благодарностью, если бы знала какому лицу обязана!

Кулябкин, не в силах был дальше выслушивать такого рода признания, полные экзальтации и отчаяния. Он, едва дождавшись паузы в бурном потоке слов графини, сказал спокойно и просто:

– Никого не нужно благодарить, кроме Бога, графиня. Он все устроил сам по своей воле. Никто вас с дочерью из имени Вашего покойного мужа не выгонит, будьте покойны, потому, что это я его купил. Живите сколько вам заблагорассудится. Я же постараюсь найти вам жилье в Петербурге по Вашему вкусу и средствам. Возможно, как Вы и сказали, скромную квартиру или домик в пригороде столицы. Вам решать. Посоветуйтесь с Марией Александровной. А я прощаюсь. Мне предписано завтра вернуться на службу в Петербург, так как работа моя здесь выполнена. Банк и другие кредиторы получают свое сполна, и с причитающимися процентами. Мое почтение Марии Александровне. Кулябкин откланялся и повернувшись собрался уйти, оставив графиню одну. От сказанного приставом, Софья Николаевна на какое-то время потеряла способность говорить. Однако, увидев уходящего Петра, графиня из последних сил произнесла:

– Петр Павлович, прошу Вас задержаться, не уходите!

Кулябкин покорно вернулся к графине.

– Петр Павлович, я, как мать Мари, хочу спросить Вас: Вы любите мою дочь? Вы ради нее это сделали? Я, не смотря на неравенство наших сословий и происхождения, даю согласие на ваш брак с Мари.

Пришла очередь поражаться Кулябкину. Слова графини застали его врасплох и ввели в самое крайнее недоумение, которое он старательно пытался скрыть. Он не был готов таким образом решить не только свою судьбу, но и судьбу молодой графини, которую видел мельком всего пару раз.

– Сказать, что я это сделал преднамеренно, чтобы каким-то образом исполнить задуманную мною женитьбу на Марии Александровне, это было бы погрешить против истины. У меня и в мыслях такого не было. Ваша дочь достойна гораздо лучшего мужа: культурного, образованного, – ей под стать. Благодарю за высокую честь, но я совсем не гожусь Вам в зятя. Я из мужиков. Мои предки были вашими крепостными. Да и чины мои невелики...

Софья Николаевна внутри себя была согласна с каждым словом пристава Кулябкина, но боязнь, что дочь может ее не послушаться и уйти в монастырь, страшила графиню больше всего, даже больше такого неравного брака-мезальянса с мужем из бывших крепостных. Опытная женщина, повидавшая многое в жизни, она достала свой последний козырь:

– Это все в прошлом, Петр Павлович. Теперь Вы владелец усадьбы, Вы можете уйти со службы, стать помещиком и на полном основании получить дворянство. Скажите только одно: Вы хотите взять мою дочь в жены?

Кулябкин ответил не сразу:

– А, захочет ли сама Мария Александровна венчаться со мной? Как она скажет, так и будет. Я приеду через неделю. – и, поклонившись графине, Петр Павлович направился к выходу, минуя анфиладу комнат. Сев в экипаж, дожидавшийся его у парадного входа, он уехал из усадьбы

Глава 16 Разговор матери с дочерью

После отъезда пристава, оставшись одна, Софья Николаевна тяжело вздохнула:

«Да, этот безродный, из бывших крепостных, вовсе не так прост и тем более не глуп. Судя по всему, ему свойственны понятия чести, благородства и даже великодушия. Однако, надо поговорить с Мари. Моя дочь так не похожа на меня... Росла все время рядом под крылом матери, а выросла почти, как чужая. Молчаливая и все время с книгами. Как знать, может этот бывший крепостной – не самая плохая для нее партия. Судя по всему, он еще и богат...»

Графиня Софья Николаевна постучала в комнату дочери и услышав:

– Заходите, маман, – открыла дверь.

Мари лежала на канопе с книгой в руках.

– Мари, у меня новости, – вкрадчиво начала графиня.

Дочь оторвала глаза от книги и вопрошающе посмотрела на мать.

– Мы спасены, Мари. Нас никто не собирается выгонять из усадьбы твоего отца...

– Бывшей усадьбы моего покойного отца, – поправила дочь.

– Более того, мы можем здесь проживать сколько нам заблагорассудится. Так сказал новый хозяин, купивший на аукционе наше поместье.

Мари закрыла книгу и отложила ее в сторону.

– Так, кто же новый хозяин бывшей нашей усадьбы?

– Трудно представить, это Кулябкин Петр Павлович. Пристав, что приезжал из Петербурга. Оказалось, что он очень богат, хоть и низкого происхождения. Представь, – из бывших крепостных Ордынских. Сейчас много из мужиков богатеет в городах. Это мы, – потомственные столбовые дворяне, истинная русская аристократия, нищаем с каждым днем в разоренных усадьбах.

– Он служит в полиции, как он мог так разбогатеть? Не на жалование все же...

– Вероятно, получил наследство от богатого родственника. Это еще не все, Мари... Петр Павлович сделал тебе предложение. – самым серьезным и почти торжественным голосом сообщила дочери Софья Николаевна.

Кровь прилила к лицу молодой графини. В волнении, она встала с кушетки и обхватив себя руками за плечи, нервно заходила по комнате:

– Ах, вот оно, что! Вот, что значит эта покупка имения! Как оказалось, пристав и меня вместе с усадьбой прикупил. – щеки взволнованной Марии Александровны запылали гневным огнем.

Мать не ожидала от всегда спокойной и даже холодной дочери такой бурной реакции.

– Прошу, возьми себя в руки, Мари! Давай разумно все взвесим и обсудим. Я сама не в восторге от подобного зятя низкого происхождения, да и фамилия у него ужасная – Кулябкин, как у большинства простолюдинов. Но Петр Павлович обладает и достоинствами: он молод, высок и статен, красив лицом. Да, к тому же богат. Манеры его просты и подчас грубы, но всему этому можно научиться. Я заметила в нем и благородство, и понятие чести, что свойственно не всем мужчинам, вращающимся в светских кругах. Вспомни, сватавшегося к тебе гвардейского поручика, промотавшего в карты состояние. А после того, как в свете разнесутся слухи, что наше имение пошло с молотка, вряд ли тебе найдется достойная партия.

– Меня не волнует мнение света.

– Мари, подумай хорошенько о себе, обо мне... Петр Павлович оставит службу и запишется в помещики, а это уже получение дворянства! И, самое главное, он просил не оказывать на тебя давления. Так и сказал перед отъездом в Петербург: «Решать Марии Александровне. Как скажет, так и все произойдет.» Он обещал приехать за ответом через неделю. Соглашайся, Мари и подумай о нас!

Глава 17 Белая Лилия

Как и обещал, ровно через неделю пристав Кулябкин, приехав из Петербурга, первым делом нанес визит в имение к Ордынским. Для себя он уже все решил: «если графиня Мария Александровна даст свое согласие стать его женой, то он оставит службу, запишется в помещики и получит дворянство, как того желает его предполагаемая теща, графиня Ордынская. Обзаведясь семьей, он обоснуется на постоянное жительство в имении, наймет грамотных, опытных в делах людей и засучив рукава, начнет поднимать усадьбу: отремонтирует конюшни, возродит конепроизводство, приведет в порядок оранжерею. Возможно, для этого ему необходимо будет поехать за границу самому, чтобы перенять новые методы ведения сельского хозяйства.

Если Мария Александровна откажет ему, то он останется на службе в Петербурге, а в имении будет наездами, чтобы следить за работами по ее восстановлению. Расстояние от столицы не так уж велико и при хорошем конном экипаже можно за ночь добраться до усадьбы. К своим 27-ми годам Петр достиг 10 чина, что не так и плохо. Однако, в городе с электрическим освещением, где в планах трамваями заменить конку, во всем чувствуется ветер перемен. На службу в полицию стали брать все чаще людей образованных, с университетскими дипломами, что гарантирует быстрый карьерный рост. Петр стал это ощущать в последнее время особенно остро. Теперь, когда у него есть деньги на все, нередко приходит мысль, что нужно, даже необходимо, получить высшее университетское образование и тогда при его усердии и опыте он достигнет высших чинов по службе.

Подъехав к усадьбе, Кулябкин вышел из экипажа и стал подниматься по парадной лестнице теперь уже его дома, однако, чувство, что он по-прежнему здесь чужой, а вовсе не хозяин, не покидало Петра Павловича. Немногочисленные слуги, давно не получавшие жалование, были в похожем положении: они не могли привыкнуть, что у усадьбы теперь другой владелец и по старой привычке обращались к графиням, как к законным хозяйкам, на что Кулябкин смотрел спокойно и, как на само собой разумеющееся. Он не хотел давать всем понять, кто в доме хозяин и вел себя подчеркнуто почтительно к дамам, хоть и утратившим права на владение усадьбой.

Слуга, приняв у Петра Павловича шинель, спросил:

– Как доложить господам?

– Скажи: Кулябкин Петр Павлович. – ответил ему пристав.

Через несколько минут навстречу к Петру вышла графиня-мать и по ее улыбающемуся лицу, он понял, что его дела не так и плохи...

– Ах, любезный Петр Павлович! Как Вы, однако, точны! Несмотря на такую метель приехали из Петербурга. Скоро время обеда. Надеюсь, что вы разделите его с нами?

Кулябкин в ответ учтиво поклонился Софье Николаевне:

– Как здоровье Марии Александровны?

– Благодарствую, она здорова.

Подойдя к Петру поближе, из боязни, что их услышат, графиня прошептала:

– Поздравляю. Мари согласилась на Ваше предложение.

Петр тихо ответил Ордынской-старшей:

– Я, надеюсь, что услышу это от самой Марии Александровны.

В это время дверь гостиной отворилась и вошла Мари. Кулябкин учтиво поклонился молодой графине, она ответила ему поклоном.

Мать посмотрела на дочь с особым выражением лица, затем повторила сказанное ею ранее, но уже гораздо громче:

– Моя дочь приняла Ваше предложение, Петр Павлович.

– Мне хотелось бы услышать это от самой Марии Александровны, так как ей решать. – повторил Кулябкин еще раз, теперь в присутствии младшей графини.

Мари, подняла на пристава светло-голубые глаза и чуть слышно произнесла:

– Я согласна стать Вашей супругой, Петр Павлович.

После чего вновь опустила ресницы и слегка наклонив голову, сжала бледные губы.

Подали довольно скромный обед из малого количества блюд. Мари сидела напротив Кулябкина, графиня-мать гордо восседала во главе стола, сервированного старинным фамильным серебром, которое теперь вместе со столом, со всем имуществом в доме, как и самим домом принадлежит новому владельцу – Кулябкину Петру Павловичу.

Мари, едва касаясь блюд столовыми приборами, отрезала крохотные кусочки. Ела медленно и исключительно с закрытым ртом, ни разу не промолвив и слова с целью завязать разговор за обедом. Ее глаза были по-прежнему опущены. Кулябкин только сейчас позволил себе хорошенько разглядеть ту, которая должна стать его женой. Бледная, с тонкой, почти прозрачной кожей, сквозь которую были заметны голубые прожилки, она напоминала собой хрупкий цветок белой лилии, расцветший посреди зимы. Один такой Петр случайно увидел в графской оранжерее. Каким-то чудом он выжил после того, как из-за нехватки дров пропала вся цветочная коллекция. Он разведет много лилий, как символ чистоты и непорочности Девы Марии и ЕГО Марии... Незнакомое ранее чувство, неожиданно нахлынувшее, вошло в душу простого человека, такого, как Кулябкин, – то было благоговение к Марии Ордынской. В строгом темном платье с белым кружевным воротником, гладкими волосами на прямой пробор, она внушала Петру именно это чувство. Он был потрясен таким открытием. Как не похожа она на девушек, коих он видел до встречи с ней... «Единственная и неповторимая Белая Лилия. Неужто, и впрямь, ты будешь моей?!» – сердце пристава сжалось от нежности к Мари. А она, будто, прочитав его мысли, вновь спрятала глаза, опустив веки с длинными ресницами.

Возвращался Петр в Петербург совсем другим человеком, нежели до своего приезда в усадьбу. Он был абсолютно счастлив. Впервые в жизни.

Глава 18 Окрыленный счастьем

Окрыленный счастьем, Петр подал рапорт на увольнение. Его начальник Лоскутов Николай Евграфович, был крайне удивлен и даже раздосадован такому поступку своего подчиненного. По слухам, сам из бывших мужиков, сделавший неплохую карьеру к своим пятидесяти с небольшим годам, благодаря женьтьбе на дочери одного из высших чиновников, ныне почившего.

Начальник вызвал к себе пристава Кулябкина и указав на поданный им рапорт, хмуря брови, спросил:

– Что не так, Петр Павлович? Столько лет под моим началом... Ни одного плохого отзыва и замечания к тебе. Может чином не доволен, но какие твои годы, а ты уже коллежский секретарь. Годика через три получишь повышение. Обещаю лично похлопотать через свои связи наверху. Забирай свой рапорт и продолжай нести службу. Дел немеряно в государстве Российском, а ежели такие, как ты уйдут, то и вовсе все накроется «турецким барабаном»! Ну, забирай свой рапорт, Петр Павлович!

Кулябкин, потупясь, молча выслушал начальника, но рапорт из его рук назад не принял.

– Благодарю за оценку трудов моих, Николай Евграфович, но забрать, поданный мною рапорт на увольнение отказываюсь. И, не в чинах причина. Я женюсь.

– Поздравляю, хорошее дело! Искренне рад, Петр Павлович. Но зачем со службы уходить?!

Кулябкин прекрасно понимал, что скрывать бесполезно и продолжил:

– Я имение купил семейства графа Ордынского. Вот, и намерен записаться в помещики, чтобы все силы положить на ее восстановление.

Это сообщение немало удивило начальника. Он сидел за столом своего кабинета, погруженный в размышления по поводу сказанного Кулябкиным. В голове Лоскутова вертелось много вопросов, которые он хотел бы задать своему пока еще подчиненному. Он уже знал, что с рапортом решено, – он его подпишет, но один вопрос все же задал Кулябкину:

– Смею спросить, Петр Павлович, а кто же невеста?

– Графиня Ордынская Мария Александровна. – ответил пристав.

После этих слов в присутствии самого пристава Кулябкина, начальник Лоскутов Николай Евграфович поставил на поданном на его имя рапорте визу:

«Не возражаю. Уволить по просьбе подателя сего рапорта, Кулябкина П. П.» и подписавшись, указал дату: 10 декабря 1897года.

Таким образом, вопрос с увольнением Петра Павловича Кулябкина из органов полиции города Санкт-Петербурга был решен. Однако, начальник не торопился отпускать от себя бывшего пристава, с которым проработал вместе много лет. Николай Евграфович достал из кармана наградные часы на цепочке и посмотрев на время, сказал:

– А не съездить ли нам куда-нибудь вдвоем отобедать на прощание, Петр Павлович?!

– Польщен и буду рад, Николай Евграфович! – ответил Кулябкин.

Лоскутов поставил в известность о своем отбытии заместителя, поручив тому исполнять его обязанности во время отсутствия. Вдвоем с Кулябкиным они вышли из административного здания полиции и наняв извозчика, по совету Николая Евграфовича, отправились в известный в то время ресторан «Медведь», славившейся своей кухней и теплым приемом публики. Разумеется, при своем скромном образе жизни, Кулябкин никогда ранее не бывал в подобном заведении, все, что ему доводилось посещать, – это трактиры.

.....
«Медведь» – ресторан, работавший в дореволюционном Петербурге по адресу [Большая Конюшенная улица](#), 27[1]. Посетителей у входа встречало чучело медведя с подносом в лапах.

Это стало своеобразной визитной карточкой ресторана[2]. В заведении подавали в основном блюда [русской кухни](#)[3]. Один из залов ресторана представлял собой бывший двор, переделанный в атриум со стеклянной крышей[2]. Ресторан посещали многие известные культурные деятели[1]. Сегодня в помещениях бывшего ресторана располагается [Театр эстрады имени А. И. Райкина](#). /Из Википедии/

Глава 19 В «Медведе», или Неожиданные откровения начальника

Стоило лихой пролетке подъехать к ресторану «Медведь», как швейцар с почтением распахнул перед ними дверь, приглашая войти. В сопровождении метрдотеля, бывшие коллеги прошли в кабинет для особых посетителей. Судя по подчеркнутой услужливости персонала от низшего звена до начальствующего над ним, Николай Евграфович Лоскутов бывал здесь не раз, что при его службе в полиции, да в высоком чине, совсем неудивительно. Каждому из владельцев: от мелкой лавочки, торгующей чем попало, до новомодных пассажей со стеклянными потолочными перекрытиями, где после удачных покупок можно посидеть в кафе-бистро и ресторанах, так полюбившихся публике с деньгами, желавшей жить красиво и весело, ничуть не хуже, чем в Париже, Берлине или других европейских столицах. С развитием капитализма в России эта прослойка общества все больше росла, да и сам ее состав обновлялся: купцов сменяли предприниматели, банкиры, промышленники, успевшие получить хорошее образование, чопорных аристократок, потеснили дамы полусвета, в основном из актрис, певиц и балерин. А, с балетом в России всегда было прекрасно, во все времена, как при царизме, так и в сменившем его правящем режиме СССР.

Декабрьская ранняя темень располагала к посещению подобных мест столицы, где играет музыка, где царствует веселье среди пальм в кадках и цветов из зимнего сада, расцветших в зимние морозы благодаря электрическому освещению и теплу от батарей водяного отопления.

Кулябкин охотно принял на себя обязанности пригласившего лица. Очень скоро в кабинет принесли: икры черной и красной, солянку с осетриной, дичь, фрукты, закуски и разные напитки. Лоскутов, как и Кулябкин предпочел «Зубровку». Надо заметить, что спиртным Петр Павлович никогда не злоупотреблял, пил понемногу и всегда закусывал, любил квас, медовуху и клюквенный морс, как самые лучшие освежающие напитки.

А, вот, Лоскутов, исходя из того, что он больше Кулябкину не начальник, разрешил себе расслабиться за столом. Изрядно выпив все той же «Зубровки», закусив холодцом с хреном, он испытующе уставил глаза на Петра. Затем спросил:

– А, вот, ответь мне, Петя, как тебе удалось купить имение Ордынских?

Кулябкин, догадавшись, что одной из причин поехать с ним в «Медведь» было любопытство бывшего начальника. Однако, скрывать Петру было нечего, поэтому ответил без утайки, как было:

– Как и все, – подал заявку на участие в торгах. И, хоть, как должностное лицо я закон не нарушил, но, все же, нанял через контору стряпчего, который и действовал от моего имени.

– И за сколько купил? – поинтересовался Лоскутов.

– Аукционная итоговая сделка не тайна за печатями. Все есть, все в регистрационной палате хранится. Вам скажу, как бывшему начальнику:

– Шестьдесят тысяч рублей.

– Щедро, однако. Поместье года два назад было разграблено. По опросам, изгнанный за проступки и нарушения, а прощя за воровство, бывший приказчик, некто Горелов возглавил в тех краях шайку, промышленявшую разбойничьими нападениями. Поступило заявление от управляющего имением... забыл фамилию... Василий, кажется, Спиридонович. Но владельцы усадьбы Ордынские, – мать с дочерью были тогда за границей. Коней элитной породы из конюшни угнали, а преступников так и не нашли. Я протокол читал.

– И еще... Между нами признайся, Петр Павлович, откуда у тебя такие деньги? Шестьдесят тысяч!

По дарственной от родственницы Чететкиной Марфы Захаровны. Есть официальный, юридически заверенный документ. У меня имеется подлинник. Оказалась тетя, опекунша моя с детства, обладала большим состоянием. Одинокая и кроме меня у нее никого не было и нет. Вот, откуда, Николай Евграфович. Спрашивайте, если еще есть, что спросить. У меня от вас тайн нет.

Лоскутов опрокинул в себя очередную рюмку «Зубровки» и уткнувшись хмельным взглядом в мундир бывшего пристава, служащий тому последний день, спросил:

– А, как тебе удалось уговорить молодую графиню принять твоё предложение? Или ей с маменькой деваться совсем некуда?

Кулябкин, отпив из стакана клюквенный морс, сказал:

– Им на жизнь хватило бы на несколько лет, а может и больше. С уплатой долгов и процентов по ним графиням осталось десять тысяч рублей.

– Ничего не понимаю... и она, из столбовых дворян согласилась пойти за тебя?! Ничего не понимаю... – Лоскутов налил в рюмку еще «Зубровки» и опрокинул в себя. Затем, приложив к усам ладонь, шумно вздохнул и сказал:

– А, впрочем, не завидую. Я тебе, как сыну скажу, не женись на графине. Намучаешься с ней. Потом вспомнишь меня.

Уже хорошо опьяневший, Николай Евграфович разоткровенничался:

– Я, ведь, тоже на благородной женился. Не на такой, как твоя из столбовых, но на дворянке – дочке генерала. И тоже, как ты, Петя из мужиков, сам побыл в крепостных и в рекрутах удалось послужить. Я это время помню хорошо. Повоевал и на Кавказе с 1861 по 1864 год. До самого конца компании. Там и определили меня к офицерам в денщики. За три года так до самого генерала и дотянулся, – прислуживать ему. Случай помог. Генерал наш, что-то по карте разглядывал с карандашом в руке. А тут, откуда ни возьмись снаряд упал рядом с палаткой, где мы с генералом, а я не растерялся и накрыл его собой. Вот, ведь как! Даже и не сообразил, как сделал. Меня осколками всего посекло, в лазарете доктор какие достал, какие до сих пор сидят во мне. Георгия дали. А тут и войне конец. Из госпиталя меня генерал к себе в дом забрал, тоже прислуживать по хозяйству. Мне 23 года, молодец из молодцов. А у генерала дочка под тридцать лет... Потом оказалась больная. От книг умом тронулась. То ничего, то опять найдет на нее. Доктора, кто что говорили. Многие советовали замуж ее выдать. Так, кто ж в своем уме такую возьмет, хоть и с приданным генеральскую дочь. Тут я и подвернулся. Короче, женился на Варваре Ивановне. И, вправду, после свадьбы ей вроде, как и полегчало, вроде с нее и порча сошла. Тесть с тещей не нарадуются. Двое детей у нас народилось: сын и дочь. Сейчас уже взрослые. Но жизнь с женой Варварой Ивановной у меня не заладилась. Она словно прозрела. Если раньше, сразу после свадьбы спокойная была, то после двух лет совместной жизни стала меня жена гнобить: то сел не так, то встал не так, то ем не так, то храплю во сне... Упаси, Боже при ней рыгнуть или нечаянно «голубя» пустить... Скандалу не обещаться! Кричит: – Мужик-лапотник, такой-сякой! Деревенщина поротая и какими только словами при малых детях меня она не поносила! Тесть одно: – Терпи, брат! За терпение от меня и наследство получишь! Вот, потерпел я лет пять, а потом от злой жены и другую завел – Феодосью Герасимовну. Вдова с сыном. Женщина добрая, ласковая. Я для нее – солнце на небе. От меня ей все приятно, все хорошо и сладко. Тесть, конечно, не подвел и справку об образовании мне добыл с печатью, учителей мне нанял по грамоте и чтению. Книжки по службе приносил и читать заставлял. Потом сам и проверял. А, как умер, то по завещанию я всем пользуюсь, пока с его дочерью живу и только после ее кончины мне большая часть наследства отойдет. Хитро составлены документы. Одно хорошо, что жена не интересуется мною. Поэтому я еще и живу с ней в бумажном браке. А ей уж 60 годков отроду, но она и меня пережить может, ибо злостью одной питается. Сын самостоятельно живет, окончил Пажеский корпус. Дочка замуж вышла за отставного офицера, двое детей у них. А я, если б не Феодосья Герасимовна, поверь

мне, давно бы плюнул и ушел от жены хоть пешим странником отправился по матушке-России. И сейчас, я уже могу выйти на пенсию. На жизнь хватит и без генераловых денег. Жена развод не дает. А, у Феодосьи младшенький сын Ванечка от меня прижит...

Лоскутов потянулся к графину с «Зубровкой», налил в рюмку и напоследок залпом выпил. Закусывать не стал, а лишь поднес к носу край рукава, шумно втянул в себя воздух.

– Все! А, теперь, Петя вези меня на Гороховую. Там у Феодосьи чайная своя. Как увидишь вывеску: «Чай с блинами, пирогами, расстегаями», меня к ней и отведешь. А рассказал я тебе свою жизнь, чтобы ты ошибку не сделал. Знаю, что не болтун и в себе удержишь сказанное мною! Пошли за извозчиком, Петр Павлович!

Глава 20 Житейские хлопоты

Выйдя в отставку, тем самым обретя время, столь необходимое для предсвадебных хлопот, Петр Павлович первым делом занялся покупкой особняка, куда после свадьбы переедет с молодой женой Марией Александровной, а попутно необходимо подыскать и для тещи съемное жилье, как она того желает. В те времена в столицах и крупных городах найм квартир был привычным делом. В одном многоэтажном доходном доме уживались разные сословия, для

которых были отдельные подъезды: парадный – для господ, черный ход – для людей из низов, черни. На верхних этажах в больших квартирах с электричеством, ванной, телефоном селились господа высшей категории жильцов. Внизу, в каморках подвалов и полуподвалов обитали низшие сословия, часто обслуга дома – дворник с семейством, прислуга, прачки, мастеровые. У владельцев доходного дома одна задача: через управляющего вовремя получать плату за жилье, а должников выселять.

В одном из таких домов Кулябкин снял для будущей тещи небольшую, но уютную квартиру с удобствами, прислугой и полной обстановкой для комнат. С особняком дело оказалось сложнее. Неограниченный в средствах Петр Павлович, конечно, мог купить участок земли в городе, нанять лучшего архитектора, но времени на это не было. Кулябкину хотелось на свадьбу преподнести жене в подарок собственный дом, чтобы она после венчания въехала в него полноправной хозяйкой. К счастью, прекрасно знающему город Петру, в сжатые сроки удалось все же разыскать новый, только что отделанный особняк, в два этажа с мансардой, окруженный хорошо спланированным садом. На участке имелся экипажный сарай, что облегчило задачу с покупкой выезда для их молодой семьи. Имелся также уютный флигель для прислуги. Все остальное Петр оставил на потом, чтобы жена обустроивалась на собственный вкус. Зная, что Мари не желает возвращаться в великосветских кругах, Петр Павлович купил дом в отдалении от оживленных мест столицы, где ничто не помешает ей спокойно сидеть с книгой и наслаждаться видом на Неву.

Венчание назначили за неделю перед Масленицей, что для матери-графини оказалось приятной отдушиной:

– А, все ж, удалось Мари обойти Надю фон Краузен с ее свадьбой на Красную горку! До того события еще полгода почти, и кто знает, что к тому времени изменится...

К Рождеству Кулябкин получил купчую на особняк и сделка юридически оформилась. Довольный приобретением Петр занялся своим гардеробом и через модный универмаг «Пассаж» выписал себе из-за границы все самое лучшее: от нижнего шелкового белья до фрака с цилиндром, перчаток, рубашек, шелковых галстуков с золотыми булавками и запонками от Картье. Графине-матери Софье Николаевне дал крупную сумму на подвенечное платье с фатой и все необходимое приданое для дочери-невесты.

– Остальное Мария Александровна пусть выбирает, счета отправляйте мне на оплату. – распорядился будущий зять и муж.

Венчание, опять же по желанию невесты, решили провести скромно и как можно незаметнее, шафером жениха согласился стать студент-медик Михаил Платонович Сигарев, дальний родственник, с которым прошедшей осенью Петр приезжал к покойной уже Марфе Захаровне. Вернее, к ней, по ее вызову, приезжал Кулябкин, а Михаил в Кобылкине был проездом по пути к родителям в Псков и составил Петру компанию. Вместе нанять экипаж, – экономнее с оплатой, да и в дороге вдвоем не скучно. Пришлось пригласить и Надю фон Краузен в качестве подружки невесты и, конечно, ее мать баронессу Веру Львовну фон Краузен, кузину графини Софьи Николаевны Ордынской. Сказать, что мезальянс единственной дочери мать переносила спокойно, было бы неправдой, она лишь, скрепя сердце, смирилась от такой несправедливости судьбы. Ее Мари! Красавица, умница, знает европейские языки, играет вир-

туозно на рояле... А, голос какой! Не будь она из высшей знати, то имела бы бешенный успех на сцене. Однако уже состоялась помолвка и предстоит венчание с простолюдином, бывшим приставом полиции, безродным сиротой! Впрочем, отсутствие у будущего зятя родственников, скорее радовало, чем огорчало графиню. Представить выходцев из холопов рядом с Мари, с кузиной-баронессой и ее дочерью! Это было бы совсем невозможно!

От этих мыслей графиню-мать охватил жар прилива крови к лицу. Она раскрыла свой роскошный веер из страусиных перьев, когда-то сопутствующий ей в качестве модного аксессуара при посещении оперы и балов в Париже. Обмахиваясь им, графиня Софья Николаевна поднесла кулон с нюхательной солью к своим изящным, тонким ноздрям безукоризненного носа, чтобы невзначай не потерять сознание.

Глава 21 Хищник и жертва

На душе Мари было сумрачно, как бывает между угасающим зимним днем и наступающим вечером. Завтра у нее венчание. Точнее, у них с Петром Павловичем, человеком, которого она совсем не знает, да и видела всего несколько раз. За нее все решила маман. А ей деваться некуда: в монастырь без благословения матери не примут, – это главное условие обители. В самом деле, не в гувернантки же идти в чужой дом...

Мари сидела у окна в кабинете покойного отца и с холодным равнодушием наблюдала за зайцем-русаком, в отчаянии петлявшим по заснеженному полю, спасаясь от преследования рыжей лисицы. Его гнал страх, ее – голод, еще немного и она схватит незадачливую добычу. Мари поднялась с кресла, подошла к стене, на которой висело старинное ружье отца. Молодая графиня сняла ружье, оно оказалось заряженным. Мари открыла окно. Холодный ветер, ворвавшийся с зимнего простора, ударил ей в лицо и грудь. Она прицелилась и нажала на курок. От звука выстрела заяц стрелой полетел по полю к лесу, а раненная рыжая хищница, оставляя на снегу кровавый след, поползла вслед убегающей добыче. Не в силах смотреть на это, графиня выстрелила в лису еще раз, чтобы прекратить ее страдания.

На оружейные звуки в кабинет вошел старый слуга, служивший еще ее отцу графу Ордынскому, следом прибежала мать Софья Николаевна:

– Мари, как ты напугала нас! Закрой окно, Порфирий, – обратилась вдовствующая графиня к слуге, – мы рискуем простудить невесту накануне венчания...

Уже лежа в постели, прежде чем заснуть, перед глазами Мари вновь возникла кровавая сцена убийства лисы. И она тому причина. Накануне венчания ее мысли были далеки от предстоящего события, пожалуй, одного из самых важных в жизни девушки любого сословия и состояния:

«Я сделала ошибку. Надо было застрелить зайца, а не лису. Жертву, а не хищника. Его все равно загрызет лиса или волк. Сегодня или завтра. Заяц рожден быть добычей хищника. Все, как и у людей. Завтра и я стану жертвой... отдам себя чужому человеку, который по праву богатого и сильного заберет мою жизнь.

Глава 22 Венчание

Зная, что невеста его не пожелала устройства пышных свадебных торжеств, Петр Павлович, повинаясь ее решению, не стал приглашать никого из друзей и знакомых, появившихся у него за годы службы в Петербурге. На венчании будет только шафер Сигарев и подруга невесты – Надя фон Краузен, да еще мать Марии – Софья Николаевна с кузиной Верой Львовной. Ее муж барон отбыл в свои Остзейские владения, а сын Иван, выпускник Пажеского корпуса, на сборах в армии. Думали пригласить на венчание крестную Марии Александровны – Василису, выкормившую своим молоком Мари сразу после ее появления на свет. А с ней и ее старушку-мать. Обе в прошлом из крестьян графа Ордынского, что ничуть не смущало остальных. Однако, надо было ехать за ними в Кобылкин, а тут метели замели... Вдруг, что в дороге случится, мать Василисы уже в преклонных летах. Вот и отменили приглашение. И, конечно, из светского общества Санкт-Петербурга никто приглашен не был. Петр понимал, что эти ограничения прежде всего от того, что он безродный простолюдин. Сиятельные господа из круга Ордынских осудят и не воспримут всерьез эту свадьбу, а только разнесут по всему Петербургу, что графиня Мари Ордынская сошла с ума, выйдя за бывшего мужика, предки которого были у них в крепостных. Есть народное поверье: – Если породистую сучку покроет беспородный кобель, то после, даже от чистокровного во всех последующих пометах будут одни дворянги.

Острое на язык и злое на язвительные сплетни высшее петербургское общество не прощает подобное выходцам из своих кругов, особенно, что касается женщин. С мужчинами проще, они передают фамилию и титул жене, а дворянка, даже самая родовитая, так же, как и дети, рожденные в неравном браке, теряет и дворянство/формально/, и фамильную честь рода. Она – изгой общества.

Графиня Мария Александровна Ордынская прекрасно знала об этом, но не сей факт волновал и печалил ее. Из-за долгих лет отсутствия в Петербурге, с самого ее малолетства, этот город для нее чужой. Она и в Париже чувствовала себя чужестранкой и только в Соборе Александра Невского ощущала себя русской на маленьком островке большой Родины.

Венчание было назначено в небольшой старинной церкви на окраине Петербурга. С утра светило солнце, а к началу венчания поднялась метель, повалил снег, как в известном произведении Пушкина, но на этом все совпадения закончились: жених с шафером не заблудились и не опоздали к началу таинства. Невеста с подружкой, матерью и тетей прибыли вовремя, да и сам обряд прошел спокойно, без какого-либо происшествия и предзнаменования. Там же, под сводами старинной церкви Петр и Мария впервые поцеловались и обменялись кольцами. Обвенчавший их священник, прежде чем отпустить молодых, поздравил с благословением на долгую и счастливую семейную жизнь. После чего приглашенные гости сели в экипаж, молодые в тройку и поехали в новый особняк, принадлежащий юной жене Петра Павловича, о чем ему еще предстояло сообщить ей.

По русскому обычаю тройка с бубенцами, украшенная цветами и ковром под ногами молодых, с лебединой легкостью подлетела к особняку... госпожи Кулябицкой. Эту фамилию, как более благозвучную, получил после покупки имения и ухода со службы Петр Павлович. С получением дворянства преград и трений тоже не возникло. При таких-то средствах... Так и стал бывший крепостной Кулябкин – помещиком Кулябицким, что дало ему право обретения дворянства.хлопотал он по этому делу исключительно ради тещи и молодой жены. И, хотя, титул за Марией Александровной формально сохранялся, однако, кроме старых слуг, служивших в усадьбе еще при ее отце Александре Николаевиче Ордынском, уже более никто из нового окружения не назовет Мари – «Ваше сиятельство». Это та цена, которую она заплатила за свой мезальянс. Вдовствующая графиня-мать Софья Николаевна по-прежнему сохранила за собой и титул, и соответствующие ему почести. Однако, такая потеря не ранила ее

дочь. Мари с легкостью перешагнула через эти угасающие отблески обломков бывшего величия их старинного рода.

Сам дом и внутреннее его убранство произвели впечатление, как на тещу Петра Павловича, так и на ее родственников: мать и дочь фон Краузен. Но, как и положено аристократкам, те восприняли это сдержанно и лишь украдкой, незаметно позволили себе скользнуть взглядами на окружающую их обстановку, не проронив при этом ни слова. Впрочем, для них подобное привычно. Они и сами очень богаты, и живут в роскоши.

По приезду с венчания слуги помогли хозяевам и их гостям раздеться: снять шубы, головные уборы, принять с ног зимнюю теплую обувь и надеть легкую для комнат. Затем все с молодой парой во главе поднялись по широкой лестнице, ведущей в парадный зал. Дворецкий торжественно пригласил всех пройти к накрытому свадебному столу. Лакеи раскрыли высокие резные двери и небольшой оркестр заиграл приветственный туш.

Петр, поддерживая под руку Мари, повел по залу, пропустив немного вперед себя, как хозяйку этого роскошного особняка и свою молодую жену, – нареченную им Белой Лилией, навек поселив в своей душе. Вне всякого сомнения, он успел полюбить ее и чувствовал себя впервые в жизни счастливым, находясь рядом с ней.

Повсюду: на столах, на полу у зеркал стояли вазы, наполненные белыми лилиями. От их зеркального отражения казалось, что весь парадный зал утопает в этих изысканных цветах, что было так на и самом деле. Не зря, в геральдике цветок лилии принадлежит особам королевских кровей. А род Ордынских восходит к самим Рюриковичам.

Музыканты в седых париках и великолепных бархатных камзолах по моде 17 века эпохи Барокко. Обслуживающие стол лакеи, – в рубашках с кружевными жабо под камзолами, вышитыми золотым шитьем и в кюлотах с белыми чулками. На ногах башмаки с пряжками. Только парики были другими и указывали на более поздний 18 век, породивший мужскую моду на седые косы, стянутые на затылке черным репсовым бантом.

– У твоего зятя, Софи несомненно недурной вкус, – разглядывая в лорнет /это не возбранилось/, открывшуюся перед ней парадную залу, – произнесла кузина баронесса фон Краузен. А про себя подумала:

«И кошелек, несомненно, велик...»

Когда все расселись по своим местам за свадебный стол, после поздравлений и пожеланий счастливой жизни, гости и хозяева выпили по бокалу французского шампанского, раздалось: «Горько!». Как выяснилось, то была Вера Львовна фон Краузен, отнюдь не собиравшаяся изображать из себя великосветскую даму перед зятем кузины и, давшая всем понять, что она чтит русские традиции и вовсе не чурается их, хоть и замужем за немецким бароном.

Петр поднялся со своего места и стоя ожидал ответного шага от жены. Мари с непроницаемым выражением лица, не сразу поднялась к нему и, наконец, разрешила мужу поцеловать себя в присутствии гостей. К ее счастью, больше «Горько!» на этой свадьбе не прозвучало.

После танца с молодой женой, Петр, провожая ее на место, успел шепнуть Мари:

– Это все твое! Ты здесь единственная владелица. Царица моего сердца, Белая Лилия моя!

Скоро гости разъехались и молодожены остались одни в особняке. За окном надвигалась ночь. Их первая ночь...

Той ночью Петр черпал свое счастье полными пригоршнями: снова и снова, опять и опять. Словно, истомившийся от жажды путник, припадал к незамутненному роднику с кристально-чистой, прохладной водой, возрождавшей в нем новые жизненные силы.

Той ночью на небе не было луны, а если бы она была, то ему довелось бы увидеть лицо Марии – бледное, с искусанными в кровь, плотно сжатыми губами... Она не издала ни звука, лишь единожды прошептала в каком-то полу сумеречном состоянии, но он расслышал:

– Надо было пристрелить зайца, а не лисицу... От нее слишком много крови на белом снегу...

Петр словно опомнился после ее слов. Он зажег свечу и испугался, увидев лицо любимой женщины. Она была не похожа на себя и едва дышала.

Он упал рядом, закрыв голову руками и почти прорыдал:

– Машенька, прости, любимая!

Затем, вспомнив о шкатулке из подземельного клада Четкиной, принес и осыпал жену драгоценностями. Камни блестели при горевшей свече, как сотни маленьких солнц, лун и небесных звезд.

– Это все твое! Все для тебя...

Мари молчала, затем ответила ему:

– Уйдите и оставьте меня одну.

Петру ничего не оставалось делать, как выполнить ее приказание. На следующий день Мари не появилась из своей комнаты, не желая никого видеть. В первую очередь его, – мужа. По истечении трех дней вышла и начала жить заново, в новом теле. Внешне она не изменилась, вела себя спокойно, никогда ничем не выдавала своего недовольства или раздражения. Напротив, была равна одинаково со всеми, что со слугами, что с мужем. Но внутри нее с той поры все застыло, будто умерло. Однако об этом знала только она одна.

Глава 23 К теще на блины, или Лакомка

А Петр корил себя за неумную страсть к Марии, выдавшую в нем «беспородного» мужика» и, как он сам себя приговорил: «Вот, когда оно проявило себя, вылезло низкое его происхождение. Сломал он свою Белую Лилию, испортил ей и себе жизнь... Разные они во всем.»

Неискушенный в отношениях с женщинами из высшего сословия, к которому принадлежала его жена, он с самого начала допустил грубейшую ошибку: – поторопился познать тело, а не душу. Надо было получше узнать друг друга, дать привыкнуть к себе, заслужить если не ее любовь, то уважение. Это понимание пришло к Петру гораздо позднее, когда уже ничего нельзя было исправить. Он впервые в жизни страдал из-за женщины:

«Маша целыми днями сидит в своей комнате за закрытой на ключ дверью. Не выходит к обеду и ужину, горничная относит еду в ее будуар. А он не знает куда деть себя, меряет шагами пространство своего кабинета, подобно зверю в клетке. Голову распирают мысли о неудавшейся семейной жизни.»

Раньше у него была служба, за годы он привык жить в четком, размеренном режиме дня. Не смотря на имеющиеся недостатки в их ведомстве, пройдя все низшие чины, Петр был убежден, что нужен и полезен обществу, а теперь, кажется, он и себя потерял, оставшись без дела. Чтобы как-то прекратить эту ежедневную, тупиковую круговерть мыслей, Кулябицкий распорядился подать экипаж. Затем спустился вниз в гардеробную. Отказавшись от помощи слуги, надел шубу и сев в экипаж, велел кучеру отвезти его на квартиру к своему другу и шаферу Сигареву, заканчивающему медицинский факультет университета.

Резвая пара отличных лошадей, запряженная в новую английскую повозку, внутри обитую мягкой кожей, быстро довезла Кулябицкого к маленькому домику на окраине Петербурга, где снимал комнату Михаил Сигарев.

Едва Петр открыл дверь, как с порога в нос ударил ядреный запах кислых щей. Хозяйка Матрена варила их из утятин и квашенной капусты в огромном чугуне. Рядом на столе шумно закипал самовар. Женщина сняла с него трубу и ловко установила наверх чайник с заваркой. Увидев Петра в роскошной шубе, она от удивления словно к полу приросла.

– Ты ли это, Петр Павлович?! Экий барин! Может генерала за подвиг какой получил? – не веря глазам своим, спросила Матрена.

– Я самый, Матрена Леонтьевна. Михаил дома?

– Дома, дома. Время обедать. Тут еще студенты у меня комнатку сняли. Хозяин мой, Степан Никодимыч уток настрелял, что на теплом пруду зимуют. Вот щей наварила на всех. Смею спросить: изволишь ли с нами откусать? Раньше не отказывался... хоть и нечасто бывал у нас.

– Благодарю-с, не откажусь. – Петр, покопавшись в кармане шубы, достал серебряный рубль и протянул его женщине.

– На, Матрена возьми от меня, в благодарность за хлопоты твои.

– Благодарствую, Петр Павлович, – Матрена спрятала рубль в складках фартука.

На голос Петра вышел Михаил. Увидев приятеля, принял от него шубу и цилиндр с перчатками. Затем, обратившись к хозяйке, сказал:

– Принеси нам с Петром пообедать ко мне в комнату.

Петр пошел за Михаилом и оказался в бедной комнате студента-медика, где стоял лишь небольшой стол, два стула и узкая кровать, покрытая серым солдатским одеялом. У окна этажерка и полки с книгами. Высокого роста, атлетического сложения, бывшему полицейскому приставу было тесно в небольшой комнатушке.

– Однако, напугал ты своим видом Матрену... Не признала она в тебе прежнего Куляб-кина. Да, я бы и сам не признал, ежели на свадьбе твоим шафером побывать не удалось.

– Миша, можно надеть на себя фракную пару с цилиндром, перчатками, бобровую шубу... Купить имение, за то получить дворянство. Можно сменить фамилию на благородную, но свое истинное происхождение и бескультурье, этим не исправить. Как был я мужиком, так мужиком и остался. Не гожусь я в мужа графине Ордынской, прав был Лоскутов! Откуда мне знать, как подойти к такой, как Мария Александровна?! Да и кто у меня был до нее? Купчиха Терентьева! Прачка Лукерья! Вот, для них я подходящий вполне.

– Посмотри, Миша на мои руки, – Кулябицкий положил ладонь на дощатый стол, – а теперь положи свою. Сигарев послушно положил руку рядом с рукой Петра.

– Видишь разницу? Твои пальцы тонкие, такими только на пианино играть. А моя мужицкая лапа?! Я кулаком, бывало, дверь вышибал. У меня все огромное... Сломал я свою Белую Лилию! Не хочет она меня больше в спальню свою пускать! Одному тебе признаюсь: не подошел я ей... Другим бабам подходил, а Мария Александровна от меня на ключ заперлась. – Петру было необходимо высказаться другу и дальнему родственнику.

Михаил ответил:

– Я будущий врач-хирург. И не на пианино играть буду, а операции проводить. Вот, потому мне и руки нужны нежные, пальцы тонкие и гибкие. А тебе в полиции твои нужнее.

– Так, ушел я из полиции. Помещик Кулябицкий теперь. За то и дворянство получил.

– Так ты теперь дворянин? Помещик? И, впрямь, чудны дела твои, Господи! Надо было тебе, Петя ко мне раньше обратиться. Женщины, они особого подхода требуют. Подожди, я одну книгу медицинского характера тебе дам почитать.

Сигарев поискал на полке и найдя искомую книгу, протянул ее Петру:

– Почитай, пригодится.

Тут в комнату вошла Матрена с подносом в руках. На нем стояли тарелки с горячими щами из которых торчали утиные ножки и крылышки, краюха свежего ржаного хлеба, очищенный лук и кринка со сметаной.

– Вот, откушайте чем богаты.

Петр посмотрел на женщину:

– Матрена Леонтьевна нет ли у вас немного водки?

– Найду, голубчик. Сейчас, сейчас...

Матрена вернулась с графинчиком водки и двумя рюмками. Захватила и закуску: холодец с хреном и колбасу со шпиком.

– Давай с нами по рюмочке, пока хозяин не вернулся. – обратился к женщине Петр.

– Ну, если по рюмочке... Налей, Петр Павлович. Как отказать такому, как ты красавцу-молодцу!

Кулябицкий налил ей в рюмку водки и протянул. Матрена перед тем, как выпить сказала:

– Будь здоров и счастлив, Петр Павлович! Приходи почаще.

Она выпила водку и ушла, закрыв за собой дверь. А друзья, последовав ее примеру, закусили холодцом с хреном и принялись за щи со сметаной. Они были горячи, наваристы, густы и ароматны.

Наступила Масленичная неделя: снежная, солнечная, радостная, с гуляниями, ярмарками и ледовыми городками. Улицы полны разного люда. Этот праздник, как и Пасха, на короткое время роднит все сословия русского народа. На тройках с бубенцами можно увидеть и барышень-гимназисток «румяных», «от мороза чуть пьяных», и светских дам с кавалерами, и простой люд, радующийся уходу зимы и началу скорой весны. На улицах в ряд стоят столы, накрытые бумажными скатертями, на расписных подносах пыхтящие, начищенные до зеркального блеска самовары. Тут же блины пекутся, приманивая прохожих вкусным запахом. Кому

с икрой, медом, кому со сметаной, а кому просто так, – с «припеком». Зазывалы зычными голосами зовут народ в трактиры, отъестся досыта перед Великим постом. Швейцары перед почтенной публикой услужливо открывают двери в рестораны с музыкой и цыганским хором. Гуляет Масленица! Широко гуляет, со всем размахом души русской!

Мари, сидя рядом с мужем Петром Павловичем, ехала в экипаже, который он успел для них купить перед свадьбой. Они сегодня приглашены к матери Мари, графине Софье Николаевне на «тещины блины». Эта добрая традиция дожила и до наших дней.

.....
Среда (лакомка). В масленичную среду мать жены (теща) по традиции печет блины и угощает зятя. Отсюда пошла знаменитая и крылатая фраза «к теще на блины». До сих пор многие россияне соблюдают эту традицию, так как она носит семейный характер.

.....
Голову Мари покрывала белая шаль-паутинка из тончайшего крученого пуха, одета она была в легкую, теплую шубку из меха песца, подбитую малиновым атласом, на ногах ботиночки серо-голубые в тон шубки. Хорошенькая, словно картинка, глаз не отвести. Молодая жена, опустив длинные ресницы, спокойно отвечала мужу, а все больше молчала. Перед тем, как навестить мать-графиню, они заехали к Фаберже и купили в подарок Софье Николаевне на Масленицу памятный сувенир в виде букетика жемчужных ландышей, стоящих в маленькой вазочке из горного хрусталя, словно веточки в воде. Эффект потрясающий. Подарок выбирала сама Мари, или Маша, как чаще ее называет муж. Его же она никогда не называет по имени, а только с отчеством.

К фамилии Кулябицкие привыкли быстро, будто так было всегда, а всего-то две недели миновали с их венчания...

В квартире Софьи Николаевны тепло и уютно. Есть все удобства и даже телефонный аппарат, по которому она созванивается с дочерью ежевечерне. Графиня, с рождения привыкшая жить в домах с большим количеством комнат, познала, по ее же словам, «прелести» проживания в городской квартире с электрическим лифтом, освещением, ванной и водяным отоплением. Глядя на нее заметно, что она довольна жизнью и вполне обходится тем, что имеет. Стоило бы ей на что-то пожаловаться зятю, он незамедлительно приложил все усилия, чтобы выполнить пожелания тещи Софьи Николаевны. Она об этом знает и не капризничает зря. Удивительно, но графиня совсем не скучает по светским развлечениям. Хоть и разменяла пятый десяток, но, по-прежнему, женщина вполне привлекательная и со вкусом. Коротает время за рукоделием, чтением книг в компании любимицы – французской болонки Аннет.

Дочь Мари и зять Петр Павлович по традиции расцеловались с Софьей Николаевной и вручили ей сувенир от Фаберже, который произвел на нее должное впечатление. Она, как истинная аристократка, имела тонкий вкус и ценила прекрасное.

Вошла горничная, молоденькая девушка с хорошими манерами, в белом крахмаленном фартуке и красивой кружевной наколке, низко опущенной на лоб. Она пригласила всех пройти в столовую, сообщив, что чай подан. Масличная среда – чаепитие у тещи с блинами прошла, выражаясь современным языком, в теплой семейной обстановке. Наблюдая за зятем, Софья Николаевна про себя отметила:

– Как он хорош! Настоящий русский красавец-богатырь из народной сказки, которую рассказывала няня в далеком ее детстве. Могучего роста, – косая сажень в плечах, белозуб, чист кожей, румян и синеглаз, густые кудри обрамляют его лицо с правильными чертами. И, как особый подарок природы, – черные соболиные брови взлет... С такого, – картины писать. Даром, что не похож на кавалеров света ее молодости, затянутых в корсеты, но не признать за ним мужской красоты, было бы, – покривить душой. Одежда, выписанная из-за границы от дорогих фирм, лишь подчеркивает внешние достоинства Петра Павловича.

Отпив вместе чаю и тем самым, нанеся родственнице-графине визит вежливости, молодая чета Кулябицких распрощалась с Софьей Николаевной и уехала.

Уже сидя в экипаже, Петр обратился к жене: – Какие погоды прекрасные. Может поедem покататься в Стрельну или Павловск? Затем в ресторацию отобедать... Куда прикажете, Мария Александровна? Все для Вас!

После той ночи он ни разу не был с женой и желая загладить перед ней свою вину, старался хоть как-то развлечь ее, предложил вместе съездить на побережье солнечной Италии, где уже вовсю весна. Однако, Мария так пока и не дала ему на то согласия, а лишь промолчала. По ее поведению никто бы не догадался, даже родная мать, что спустя такой небольшой срок после венчания между молодоженами пролегла глубокая трещина. На ночь Мари по-прежнему запиралась в своем будуаре, давая понять мужу, что ему отказано переступить порог ее комнаты. Он, смирившись, принял отставку и терпеливо ждал, когда жена простит его.

Глава 24 Любовь и Жертва

Время шло, а Мария Александровна, запершись в своем будуаре за чтением книг, казалось совсем позабыла о муже. Даже попросила слуг приносить ей еду в комнату, чтобы не сидеть с ним за одним столом. Как уже догадался Петр, та совместная поездка к теще Софье Николаевне на Масленицу была исключительно спектаклем, чтобы не растревожить маман своими семейными неурядицами и показать ей, что между ними все хорошо и гладко. На предложение поехать вдвоем в Италию Мари ответила отказом.

Начался Великий пост и Петр Павлович в терпении и смирении перед женой дожидался его окончания. Он надеялся, что с наступлением Пасхи, а перед ней – Прощенного воскресенья, Мария простит его и все между ними уладится. Чужие люди в этот праздник христосуются, так неужели его суженная, его жена перед Богом и людьми откажет ему в этом...

Наконец, Прощенное воскресенье наступило и Петр, послав жене корзину с наилучшими цветами, что были тогда в Петербурге, осмелился попросить у Марии прощения. Он надел новую синюю тройку с красивым галстуком, рубашку, манжеты которой украшали поблескивающие золотые запонки от Картье, все указывало на важность момента. С волнением в сердце Кулябицкий постучал в дверь будуара жены. Заслышав ее шаги, Петр Павлович заволновался еще больше, чем в день их венчания. Дверь открылась и он увидел ее впервые после той поездки к теще на Масличной неделе. Его поразила произошедшая с Мари перемена, будто не месяц прошел, а гораздо больший срок. Из тоненькой девушки, с вечно опущенными ресницами, она превратилась в молодую женщину, смотрящую смело, прямо ему в глаза. Прекрасную, возможно, даже красивее, чем была, но женщину, ничего не имеющую общего с той его Белой Лилией. От этого неожиданного открытия Петр стал смелее и стоя на пороге комнаты жены, не в силах оторвать от нее взгляда, произнес:

– Мария Александровна, нам надо объясниться. Но вначале я попрошу у Вас прощения, как и положено сегодня в этот день. Простите меня!

На что Мария ответила спокойно, всем своим видом показывая, что она поступает обдуманно и искренне, а не из жеманства, которое было ей несвойственно:

– Бог простит и я прощаю Вас, Петр Павлович!

Кулябицкий приблизился к ней, чтобы на радостях поцеловать, но жена жестом остановила его:

– На этом все, Петр Павлович. А объясниться нам все же надо, тут вы правы. Мы поговорим в Вашем кабинете. Идите и ждите меня там. – После этих слов Мария дала понять, что разговор окончен и закрыла перед мужем дверь.

Петр пошел на свою половину и в кабинете стал дожидаться жены. Мария пришла, не заставив себя долго ждать.

Она начала разговор первой:

– Петр Павлович, теперь уже нам ясно насколько мы ошиблись и опрометчиво поступили, вступив в этот брак, который был обречен с самого начала.

– Ты, о чем, Машенька?! Я не считаю наше супружество ошибкой. Я полюбил тебя, очень. Возможно, слишком страстно... За то перед тобой виноват и буду просить прощения, пока ты не смилостивилась и не простишь меня окончательно. Да, я невоспитанный мужлан... Грубый, неотесанный мужик, недостойный тебя. Да и кому меня было воспитывать, когда я, осиротев в раннем детстве, целыми днями был предоставлен сам себе. Опекунша моя, Марфа Захаровна, как я тогда думал о ней, не любила, а лишь терпела мое присутствие в своем доме, но и она же сделала меня богатым. Очень богатым!

– И тогда Вы решили и меня прикупить по сходной цене на торгах вместе с усадьбой моего отца. Разве это не так, Петр Павлович?! Вы заплатили в два раза дороже, уплатили кредиторам наши долги, включая жалования слугам. Да, вы спасли нас с матушкой от позора быть изгнанными на улицу... Вы купили этот особняк на мое имя за право владеть моим телом. За него вы заплатили отдельно, осыпав меня золотом после того кошмара, что я едва пережила. Я расплатилась с вами той ночью. Но так не может продолжаться всю жизнь. Из-за трудностей в законах я не смогу сейчас получить развод, но еще и не хочу причинять горе своей матери, что ее единственная дочь – разведенная особа. Пока она жива, этого не случится. Если только Вы его не потребуете от меня. Закон будет на Вашей стороне. У мужчин гораздо больше прав, чем у женщин.

Петр смотрел на Марию, она говорила с таким убеждением, с таким жаром! Ее глаза и щеки пылали. Как не похожа она сейчас на ту девушку с опущенными ресницами, которую он увидел впервые.

– Маша, как же так! Я люблю тебя, ты мне нужна...

– Вы не умеете любить, Петр Павлович.

– А ты откуда знаешь, как надо любить?

– Из книг. Я книги про любовь читала...

Кулябицкий усмехнулся:

– Романы про любовь?

– Да. Пусть романы про любовь, но они о чувствах. Уверена, что вы понятия об этом не имеете. Прошу, вас отпустите меня, дайте мне свободу.

– Что ты хочешь, Маша? Какую тебе дать свободу?

– Я уеду за границу, возможно в Париж. Сейчас многие девушки едут учиться, поступают в университеты Европы. Не надо мне Вашего золота и богатства. Я хочу сама стать самостоятельной и ни от кого не зависеть. Вы можете тоже быть свободны от данной мне клятвы на венчании.

Кулябицкий нахмурился, он был умен от природы и прекрасно понимал Марию. Он действительно любит ее и при своей внешней мужественности, а порой и суровости, обладает благородным сердцем вопреки происхождению из самых низов и недостатке образованности.

«Лучше я отпущу ее сам, чем она уйдет от меня и я никогда не узнаю, что с ней и где она. Насильно мил не будешь.» – с грустью подумал Петр.

– Хорошо. Я дам тебе свободу, но с небольшим условием, раз для всех мы останемся по-прежнему семейной парой, то я должен знать где ты, как тебе живется и в чем ты нуждаешься. Это мне необходимо, чтобы не волноваться за тебя. Я не буду надоедать тебе письмами и сообщу только в крайнем случае. Дом твой, можешь делать с ним что хочешь. Когда ты уедешь, я покину его. И, еще, я положу на твое имя капитал и назначу тебе ежемесячное денежное содержание, чтобы ты не нуждалась ни в чем.

Мария поняла, что их разговор с Петром Павловичем окончен и поднявшись с кресла, пошла к выходу из кабинета. Уже у дверей он задержал ее вопросом:

Постой, Маша, скажи... ты, что-то шептала тогда о каком-то зайце и окровавленной лисе на снегу... Что это было?

Марию отпустило: ушла не по годам серьезность и даже трагическое выражение лица, словно маска упала с ее лица. Петр вновь узнал в ней прежнюю Марию. Ту, которую впервые увидел в Кобылкине. Даже глаза ее стали светлее.

– Так, пустяки, Петр Павлович! Накануне венчания я из окна кабинета папа выстрелом из его ружья убила рыжую лису. Она гналась по полю за зайцем. Потом я поняла, что не нужно убивать хищника. Так задумано природой и Всевышним: – Заяц, рожден жертвой, надо было его пристрелить. Лиса не виновата, что ест зайцев. Нельзя путать замыслы Божии. Я напишу Вам, когда все будет ясно со мной. Благодарю Вас, Петр Павлович.

Глава 25 Отъезд в Париж

Разговор с матерью, Софьей Николаевной, был недолгим. Мари сообщила ей о своих планах вернуться в Париж, чтобы поступить в университет. Во Франции, Швейцарии, также Германии много студентов из России, а главное там принимают на учебу женщин, чего нет на Родине. На пороге 20 век, идет бурное развитие науки и техники, появился телеграф-телефон, метро, обещают пустить трамваи в крупных городах Российской империи. В Европе началась борьба женщин за избирательные права, образуются общественные движения со свободной прессой. В России после смерти Александра Третьего, власть перешла к его наследнику Николаю Второму, молодому императору Всероссийскому. Осторожно и постепенно страна пошла навстречу реформам во всех отраслях. А для этого требовались образованные специалисты с высшим образованием. Империя испытывала серьезную нехватку кадров.

Графиня-мать слушала свою дочь и недоумевала:

– Только недавно вышла замуж и оставляешь мужа, чтобы вернуться в Париж?! Как это понимать, Мари? И он спокойно отпускает тебя?! Нет, лучше скажи мне правду, чем я буду тонуть в догадках!

Мари согласилась с доводами матери, в логике и рассудке ей не отказать:

– Я не хотела причинить Вам боль, мама, но послушав Вас, я приняла предложение Петра Павловича, когда мы находились в отчаянном положении. Я сама просила мужа дать мне свободу и в ответ вернула его венчальную клятву верности. А, в Париж я еду вовсе не развлекаться и сорить деньгами мужа, которые он обещал мне ежемесячно выплачивать. Я еду учиться, чтобы стать независимой от кого либо, в том числе и от него.

– Ты возьмешь меня с собой в Париж, Мари?

Дочь опустила перед матерью голову:

– Я буду писать тебе. Не надо волноваться за меня.

– Я остаюсь одна с прислугой и болонкой... Прости меня, Мари! Есть грехи на моей душе перед тобой!

– Развода в ближайшее время не произойдет, мама. Для всех я замужем. Разве мало семей подолгу живут отдельно друг от друга в силу разных причин. Петр Павлович – человек достойный, ты можешь положиться и рассчитывать на него. А теперь, простимся. Не надо слез. Я не умерла, а уезжаю учиться. Возможно, стану изучать медицину. Я буду часто писать тебе.

Мари поцеловала мать и ушла. У подъезда дома г-жу Кулябицкую ожидал кучер в семейном экипаже, с уложенным в него багажом и всем необходимым для дальней дороги. Мари предстояло ехать до Парижа железной дорогой. Впервые одной. По ее же просьбе муж не поехал провожать Марию Александровну на вокзал. Однако, он все же был там. Переодевшись в простолюдина, наблюдал за женой до тех пор, пока она не зашла в вагон. Убедившись, что все с ней все хорошо и дождавшись отправки поезда, Петр поехал домой.

Кондуктор расположил г-жу Кулябицкую, согласно купленному билету, первым классом «Люкс», что обеспечивало ее комфортом в одноместном купе. Носильщик доставил и убрал на полки багаж. Получив «на чай», поклонившись, вышел.

Мари сидела у окна купе, наблюдая за вокзальной жизнью: по перрону важно вышагивали господа в цилиндрах и дорогих шубах, рядом с ними роскошные дамы – пассажиры первого класса. За ними следом носильщики тащили их багаж.

Пассажиры второго класса внешне существенно отличались от господ, едущих первым классом. То были конторские клерки, военные невысоких чинов, студенты, небогатые городские обыватели. Обслуживание их было соответствующее, однако в вагонах второго класса топили и пассажиров кормили. Простой люд в Париж не ездил, поэтому и третьего класса в поезде не было.

Наконец, объявили, что поезд отправляется в путь. Раздался паровозный гудок, повалил дым из трубы и мощные колеса, под воздействием пара из огромного котла, пришли в движение и ускоряясь, побежали по стальным рельсам в дальний путь.

Глава 26 Обещаю

Вернувшись с вокзала, после его оживленной суеты в большой, наполненный предметами роскоши особняк, с отъездом жены ставший каким-то особенно безжизненным, Петр остро ощутил лед своего одиночества. Прошло совсем немного времени со дня их венчания, а он уже оставлен молодой женой. И, хотя, получил от нее прощение, на душе у Кулябицкого было тягостно:

«Мари, всегда с опущенными ресницами, тихая и молчаливая, так собой напоминавшая ему хрупкую белую лилию, неожиданно оказалась сильной и решительной. А, он, – бывший пристав полиции, гроза воров и разбойников, оказался бессилён перед ней и отпустил от себя...

Петр, всегда считавший себя простым и грубоватым мужиком с огромными кулачищами, способным положить на лопатки любого, не справился с хрупкой юной женщиной! «Но прав Сигарев, надо и ему как-то укрепиться в этой жизни, найти новое важное для себя дело и заняться им всерьез. А, там, глядишь, и жена вернется к нему... В жизни всякое бывает. Возможно, поймет, оценит. Ведь, простила ж его! А сердце у Маши доброе и никакая она не надменная злыдня, как у Лоскутова».

Лакей спросил насчет ужина. Петр Павлович распорядился подавать еду к нему в кабинет. Он не хотел принимать пищу в одиночестве за большим столом гостиной. Смотреть на пустующее рядом место жены... Впрочем, так было и до ее отъезда в Париж. Но тогда у него была хоть какая надежда...

Отужинав, Кулябицкий подошел к окну: с приходом солнечных, светлых дней, весна уже вступала в свои права и природа благодарно отзывалась цветением первоцветов на проталинах в саду.

«Я должен заняться усадьбой и направить все свои силы и вынужденное одиночество на пользу ее возрождения», – размышлял Петр, вглядываясь в открывшийся перед ним вид на Неву: «Решено: после Пасхи тронусь в путь».

Тут он вспомнил о монастырской школе, о своих подопечных, сестрах Наталье и Татьяне, а также о других ученицах и их наставницах:

«Наверняка ждут меня. Проездом в Кобылкин обязательно заеду с гостинцами, поздравить со светлым днем Христова Воскресения!»

Наступил праздник Пасхи. Накупив гостинцев, по дороге в имение Кулябицкий заехал в монастырь под Петербургом, где поздравил сестер-настоятельниц, внес щедрое пожертвование и угостил лакомствами девочек-воспитанниц, в числе которых увидел Наталью с младшей сестрой Татьяной. Обе очень подросли с прошлой осени, почти не узнать, особенно Наталью. Она и до зачисления в школу была рослой и развитой не по годам, а сейчас и вовсе расцвела пышным цветом.

Завидев Петра, Наталья засмушалась. Куда-то пропала ее детская непосредственность, так не вяжущаяся со взрослым видом. Петр подошел к девушке, которой уже минуло 16 лет, чтобы по стародавнему обычаю после приветственного возгласа: «Христос Воскресе!» трижды поцеловаться с ней. Всегда смело смотрящая на Петра своими серыми глазами, на этот раз Наталья отвела от него взгляд и потупившись, трижды ответила на поцелуй своего благодетеля. Девятилетняя Татьяна, напротив, кинулась к Петру и по-детски звонко расцеловала. Она знала, что сейчас последуют подарки и угощения. И не ошиблась, лакомств хватило всем ученицам. Положив конфетку за щеку, Таня, раскрасневшаяся от радости, простодушно сказала Петру:

– Ты чего так долго не приезжал? Мы с Наташей тебя ждали-ждали... И другие девочки тоже ждали.

Наталья заметила обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки Петра. По ее лицу пробежала тень, она прикусила губу. Затем осмелилась спросить:

– Ты, Петр Павлович, никак женился?

– Да, Наташа, женился.

– Я через год школу закончу. Уже умею читать и писать. В уме цифирьки складывать могу... Обещай, что заберешь меня в няньки, когда у вас ребеночек родится. Я буду хорошо за ним смотреть. Обещай!

Петр опустил голову, однако ответил:

– Обещаю.

Да и, что он мог еще ей сказать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ «НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ»

Глава 1 Снова в Париже

Прошло немногим более двух суток и роскошный состав Норд-Экспресс прибыл в столицу Франции. Еще по пути в Париж долгожданный дух свободы наполнил собой Мари, придав ей силы для начала новой жизни. Лишь обручальное кольцо на пальце напоминало, что она замужем. Хорошенько поразмыслив, она не сняла его с руки, здраво рассудив, что в ее настоящем оно послужит ей своего рода охранной грамотой и оттолкнет возможных кавалеров и любителей поволочиться за одинокой молодой женщиной. Для всех она замужняя дама – Мария Александровна Кулябицкая.

О жилье в Париже Мари позаботилась заблаговременно, списавшись с одной из своих знакомых прихожанок Собора Александра Невского, Еленой Филипповной Фертышовой. От нее она получила несколько проверенных адресов по которым можно недорого снять у хозяев вполне приличные квартиры в хороших районах Парижа, о чем ее попросила в своем письме Мари.

Мария Александровна остановилась на небольшой квартире из двух комнат, где имелись кухонный отсек и ванная, но решающим значением для выбора стало наличие отдельного входа с небольшим садиком и кустом сирени перед окнами. После чего Мария поехала в банк, куда муж положил на ее имя средства, необходимые для проживания во Франции. Она была удивлена наличием у нее на счету довольно крупной суммы, помимо обещанных ежемесячных поступлений. Этих денег вполне хватит для покупки небольшой квартиры в центре Парижа. Однако, воспользоваться такой щедростью от мужа, к тому же весьма условного, Мария не сочла возможным, ее тяготило осознание зависимости от Кулябицкого:

«Пусть этот капитал лежит в банке и сохраняется под небольшой процент, так мне будет легче окончательно порвать с ним. Хотя мы и обвенчаны, я никогда не вернусь к мужу. Никогда!»

Екатерина Ивановна и Василий Афанасьевич Ломницкие – хозяева небольшого дома, где сняла комнаты Мари, были по происхождению православные русские, волею петлявшей судьбы, они оказались во Франции и прожив в ней много лет, так и не забыли свою историческую Родину. Оба, уже заметно разменявшие шестой десяток, приняли молодую женщину из России, которой едва исполнился двадцать один год, как близкую родственницу. Сердце сдержанной, холодноватой Мари дрогнуло от их заботы и ласки по отношению к ней. Однако в ее планы вовсе не входило такое близкое общение с хозяевами. Ей не хотелось лишних распросов, тяготело любое откровение с кем бы то ни было. Мари кратко рассказала чете Ломницких зачем она приехала в Париж и в мягкой форме постаралась сразу же установить между ними определенные границы, сославшись на занятость по поступлению в Сорбонну. Но отказаться от семейных обедов по воскресеньям и вечернего чаепития за большим хозяйским столом, все же не смогла. Из-за уважения к людям, так тепло принявших ее.

В то время при поступлении в Парижский университет или Сорбонну французской стороной принимались российские аттестаты о окончании гимназий, чем был вызван массовый приток студентов из Российской империи, из них в подавляющем большинстве была еврейская молодежь. Развитие капитализма в России породило возникновение богатой прослойки буржуа из евреев, что открыло огромные возможности перед их наследниками. Когда русская помещицья аристократия после отмены крепостного права разорвалась и приходила в упадок,

молодые, амбициозные отпрыски новых богачей штурмовали аудитории европейских университетов, тем самым заложив основу костяка научной среды в послереволюционной России. Справедливости ради надо отметить, что не все студенты из Российской империи принадлежали к богатым семьям. Были здесь и так называемые «разночинцы», уже тогда искавшие на берегах Сены революционный дух свободы, исходивший из Третьей республики, чтобы перенести его на русскую землю.

Принимали в Сорбонну и женщин, однако с ограничениями: им было запрещено ходить на лекции наряду с мужчинами, они были лишены права на получение диплома о высшем образовании и только благодаря яркой личности француженки Жюли-Виктуар Добье, всеми силами борющейся с этой гендерной дискриминацией и с помощью жены Наполеона III Евгенией, она добилась многого, открыв женщинам путь к высшему образованию. Феминизм все сильнее захватывал Европу, начав с образования и расширения круга профессий для женщин.

К приезду и поступлению Мари в Сорбонну эти главные препятствия уже были устранены, а с аттестатом у мадам Кулябицкой проблем не возникло, он был французский. Здесь стоит поблагодарить мать Мари, – Софью Николаевну, она уделяла должное внимание образованию дочери и не скупилась на хороших учителей. А французский для Мари стал почти родным после пятнадцати лет постоянного проживания во Франции с самого раннего детства. Ее произношение и богатый литературный запас слов приводили настоящих французов в замешательство, когда они узнавали, что Мари русская. Исходя из всего этого, она легко поступила и стала студенткой медицинского факультета Сорбонны.

Глава 2 Создание «Тройственного союза» или «Trinity»

Приехав в бывшую усадьбу графской семьи, теперь уже на правах нового хозяина, Петр Кулябицкий вместе с управляющим Зиновьевым Василием Спиридоновичем имел долгую и обстоятельную беседу. Слух о том, что новый барин родом из бывших крепостных быстро разнесся по усадьбе и всей округе. Однако, в отличие от своего бывшего начальника Лоскутова, самому побывать в холопах Петру, к счастью, не довелось. Он родился уже после отмены крепостничества, да и рано умершие родители освободились от барина еще до реформы 1861 года: дед Петра был егерем и однажды на охоте спас тогда юного графского отпрыска Александра Николаевича Ордынского, (впоследствии отца Мари) от дикого кабана, неожиданно напавшего из зарослей кустов. За то ему была пожалована вольная и отец Петра родился уже свободным человеком, однако со своей егерской службы не ушел, а продолжал служить хозяину верой и правдой за щедрое вознаграждение. А, вот мать Петра была выкуплена своим женихом, отцом Петра, как раз накануне отмены крепостного права. По тем временам он имел достаточное состояние, чтобы купить в Кобылкине небольшой, но крепкий домик для будущей семьи и не стал дожидаться волеизъявления царя, а предложил за полюбившуюся ему девушку выкуп. Пришлось хозяину в память о спасении уступить прошению, хоть и была невеста отменной пряжей и кружевницей, одной из лучших у графа. Ее умение впоследствии пригодилось для открытия небольшой семейной мастерской. Петр запомнил лицо матери, склоненное над валиком со сколком для кружев: ее быстрые, ловкие пальцы, плетущие затейливые воздушные узоры, под перестук коклюшек с тонкими льняными нитями. Запомнил он и запах пороха от ружья и одежды отца, когда тот возвращался с охоты. Хоть и мал был, но долго помнил, как пах свежеспеченный хлеб домашнего очага. Опекунша Четкина продала дом покойных родителей казенному ведомству. Его тут же снесли, когда прокладывали дорогу к Пскову. Так уж случилось, что домик оказался на пути строительства и участь его была предрешена согласно плану. Однако, в наследство Петру остался старый дом Марфы Захаровны, а в нем тайник с сундуком полным золота, но с момента отъезда в Петербург он лишь единожды переступил порог этого хмурого жилища: тогда он вновь спустился в каменное подземелье и набрал полный саквояж золотых монет с драгоценными камнями. Это было нужно для покупки усадьбы Ордынских и особняка в Петербурге, в качестве свадебного подарка жене. Оставшееся золото Кулябицкий положил в банк, но содержимое сундука далеко еще не исчерпано, он по-прежнему в подземелье и полон богатств, так неожиданно свалившихся на Петра. Все это он решил потратить на возрождение усадьбы. В глубине души Кулябицкий надеялся, что жена вернется и оценит его труды. А там, возможно, и простит его окончательно. Он продолжал любить Мари и ждать ее, набравшись терпения.

Управляющий имением Василий Спиридонович терпеливо и со знанием дела посвящал Петра Павловича в тонкости учета с применением бухгалтерских счетов двойной записи. Его, в свою очередь, научила жена, перенявшая эту науку от покойного мужа, успешного купца-оптовика, человека грамотного, благодаря торговой смекалке и опыту, оставившего приличное состояние своим двоим сыновьям и жене.

Когда управляющий ушел, оставив новому хозяину для наглядности амбарные книги по ведению хозяйства, Петр погрузился в изучение статей учета. Из документов выходило, что после уплаты всех долгов банку, дела в имении по-прежнему убыточны и неминуемо приведут к банкротству. Почвы и местный климат относятся к рискованному земледелию, единственное, что дает хороший урожай и окупается, – это льноводство. Однако для собственных нужд лен не находил большого применения, а для продажи оптовикам нужно искать связи. Это не хлопот, применявшийся в текстильном производстве и даже для изготовления пороха. Однако

в их северных краях хлопок не произрастает. Но изо льна изготавливают ткани, холсты, паклю и масло... А, это уже немало.

Выяснилось, что лен нельзя сеять ежегодно на одних и тех же землях, он буквально высасывает всю органику из почвы. Необходимы удобрения под рожь и только через год-два можно опять на этом месте сеять лен.

Все это Кулябицкий узнает от опытного агронома-англичанина. А найти его помог все тот же Василий Спиридонович. Он по указке хозяина Петра Павловича поехал в Олонецкую губернию, где издавна выращивали лен различных сортов. Сейчас это Карелия с центром в городе Петрозаводске, тогда Олонецке. Вот оттуда Зиновьев и привез англичанина в имение. Так возник тройственный союз на паях: 51% принадлежал Кулябицкому и по 24,5% Зиновьеву и Джеймсу/Джиму/ Джонсу или по-русски Якову Ивановичу.

Англичанин был ровесником Кулябицкого, ему еще не исполнилось и тридцати лет, но на своем веку этот человек уже многое повидал: был моряком, начал юнгой на корабле, побывал в Новом Свете: Америке, Австралии и Океании, где собрал коллекцию семян неизвестных видов растений в Старом Свете: Европе, Азии и Африке. Он даже привозил частички земли на которых произрастали эти растения. Разглядывал в лупу или микроскоп, делал зарисовки, вел дневники. Увлёкся ботаникой настолько, что поступил в Королевский сельскохозяйственный колледж, впоследствии Университет, основанный в 1845 году, и с блеском его окончил. По призванию сердца, развитию ума и наблюдательности Джеймс, а если кратко – Джим или по-русски Яков был ученым от Бога. Именно такой человек и был нужен Петру. За пять лет пребывания в России, он прекрасно изучил русский язык, легко говорил на нем и писал. Его приглашали на кафедры в московский и петербургский университеты, но англичанин не торопился соглашаться. Жалования предлагали более чем скромные, которых едва хватило бы на жизнь, а ему были нужны деньги. Как и Кулябицкий, Джим рано осиротел и был вынужден с детства сам о себе заботиться. Оттого и поступил в 12 лет юнгой на флот. Однако, если бы не это, не было бы и удачи, – возникшему интересу и преданности к наукам: ботанике, химии, растениеводству, почвоведению.

Кулябицкий сразу оценил молодого англичанина и, чтобы не отпустить его от себя предложил хорошо оплачиваемую работу в своем имении и даже дал в долг необходимые средства для его доли в их «Тройственном союзе». Так, что можно с уверенностью сказать, что, учитывая неограниченные финансовые возможности Кулябицкого, знания и образованность Джима, а также предприимчивость и деловую хватку Зиновьева, дело по преобразованию убыточной усадьбы в процветающую обрело форму и содержание. Само название «Тройственный союз» или «Trinity», переводится, как «Троица» или «Триединство». Поначалу оно несло в себе лишь деловые, компаньонские отношения, а со временем и дружеские, ничего общего не имевшие с военно-политическим блоком того времени. Так соединились в одно целое три непохожие и каждый по-своему уникальные личности, дав старт к общей цели!

Кулябицкий предложил англичанину самому выбрать место своего проживания в усадьбе. Барский дом большой и почти пустой, но еще есть теплый флигель с камином. Джим, недолго думая, выбрал флигель. Он перевез в него свою библиотеку, исследовательское оборудование с микроскопами и химическими реактивами, фотолабораторию. Личных вещей при нем было немного, исключение составлял лишь шотландский килт, который Джеймс надевал по национальным праздникам, несмотря на неоднозначную реакцию со стороны местных жителей. В повседневности англичанин был прост, но не без щегольства: носил широкополые шляпы, старинные рубашки с кружевными жабо, жилеты, шейные шелковые платки, камзолы из бархата и офицерского сукна, обувался в крепкую грубоватую обувь с пряжками. Все это досталось ему в наследство от какого-то сквайра, серьезно увлекавшегося наукой. Тот, не смотря на значительную возрастную разницу, уже будучи старым человеком с охапкой болезней, оценил молодого ученого и материально поддерживал Джонса во время его обуче-

ния в Королевском колледже. Так было до самой смерти сквайра. К счастью, Джонс успел при его жизни защититься и получить диплом этого престижного учебного заведения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.